

18+

Натали Якобсон

Век императрицы — 1

Избранники темных сил

Натали Якобсон

**Век императрицы – 1.
Избранники темных сил**

«Издательские решения»

Якобсон Н.

Век императрицы – 1. Избранники темных сил / Н. Якобсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989586-8

Батист вернулся в свое родовое поместье лишь для того, чтобы узнать, что его сестра убита драконом, который способен обращаться в коварного соблазителя. Начав охоту за драконом, Батист сам оказывается в его власти. Дракон, как оказалось, давно ищет одну конкретную красавицу, которая обольстила и бросила его самого. А он, будучи императором всех волшебных сил, отдал ей свою власть. И теперь она для чего-то собирает армию из людей, одаренных магическими силами. Среди ее избранников Батист.

ISBN 978-5-44-989586-8

© Якобсон Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
После полуночи	8
Венера в толпе	12
Батист	12
Гений и ангел	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Век императрицы – 1 Избранники темных сил

Натали Якобсон

© Натали Якобсон, 2026

ISBN 978-5-4498-9586-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-9587-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Грубый, сильный толчок в спину, и Лоран ничком упал на мраморный пол. Тяжелые, свинцовые створки дверей с шумом захлопнулись за ним, послышался скрежет задвигаемого засова. В висячем замке повернулся ключ, как будто отсекая все пути к спасению. Вот и все! Приговор исполнен. Лоран один в пустой гробнице, даже факел, на миг выхвативший из темноты длинные строки иероглифов на стенах, теперь остался по другую сторону дверей, в другом мире, мире сражений, азартных игр и костров инквизиции. В том мире еще теплилась жизнь, а здесь в затылок подуло ледяным дыханием смерти.

Оружие у Лорана отняли, как и все ценные вещи, которые он успел захватить из покинутого поместья. Колода карт, правда, осталась в кармане, но какая от нее теперь польза. Со смертью не удастся сжульничать в игре.

Он совершил преступление. Он должен умереть. Эта последняя мысль билась в мозгу, как птица в клетке, и от нее было не убежать. Жаль, что вместо бесполезного места казни, откуда бы Лоран все равно сумел ускользнуть, палачи заперли его в этом склепе. Почему именно в склепе? Лоран насторожился. Не проще ли было просто замуровать его в стене, как они это не раз делали с другими осужденными. В замурованной стенной нише у него было бы ничуть не меньше шансов умереть от холода, голода и жажды.

Лоран сел на полу и огляделся. Просторная, облицованная мраморными плитами зала напоминала царскую усыпальницу. Однако, если это склеп, то почему вокруг нет ни одного саркофага, ни одного скелета или черепа. Кругом только множество стенных ниш и потухших свечей.

Его друзья сочли бы это странностью, но Лоран всегда чувствовал облегчение, если попадал в комнату, где все свечи потушены. Он не переносил света свечей, не мог без содрогания смотреть даже на маленький огонек после того, как его запястья обгорели в том страшном пожаре. Он боялся наблюдать за языками пламени в камине, потому что каждый раз вспоминал, как беспощадный и прекрасный злодей поставил печать на его плече каленым железом. Что это было за железо, кажется, в пламени оно принимало форму когтей. Ночной налет, драконий огонь, пылающий ад – нет, Лоран не хотел об этом вспоминать.

Он хотел встать на ноги, оперся ладонью о пол и ощутил под пальцами неровность на мраморных плитах. Хоть светильники и не горели, но странное голубоватое свечение, исходившее откуда-то извне, позволяло рассмотреть в деталях весь зловещий интерьер. И все равно Лоран не поверил глазам. Он провел пальцами по полу, чтобы ощупать глубокие борозды от острых когтей, более острых, чем даже когти медведя, однажды чуть было не задравшего Лорана в лесу. От прикосновения к холодному мрамору обожженное запястье почему-то вновь нестерпимо заболело.

– Кто так сильно обжег тебя, – как будто вопрошал его звучный и равнодушный голос из тишины, но Лоран не хотел отвечать, не хотел вообще об этом думать. Ожог – дьявольская метка, живое напоминание о той страшной ночи. Он хотел бы насовсем забыть тот странный разговор, который случайно подслушал, но выжженное клеймо вечно будет напоминать ему об этом.

Вдруг вспыхнула слабым синим огоньком одна свеча в дальнем углу. Лоран двинулся вперед на свет, на миг преодолев свой страх перед огнем. Да, огонь-то жарким не кажется, а едва тлеет на фитиле. Что-то хрустнуло под ногами. Лоран наклонился и поднял осколок зеркала, взглянул на свое юное, привлекательное лицо и пшеничного цвета волосы, быть может, в последний раз. Он еще слишком молод, чтобы умирать. Прежде, чем он успел посетовать на судьбу, как в зеркальном осколке мелькнуло другое отражение белого, гладкого, мраморного лица – лица статуи. От неожиданности Лоран выронил осколок. На пальце остался порез.

Будто привлеченные запахом крови из темных уголков начали выступать какие-то тени. Кто-то скребся в гробнице, или Лорану это только казалось. Будь у него с собой хотя бы дубинка, и он не побоялся бы отбиться, от кого угодно.

– Что за странные мысли? – Лоран одернул себя. С кем сражаться, если вокруг никого нет. Он здесь один и может смело идти вперед, туда, где едва теплится свеча. Так почему же он испытывает легкую неловкость, даже стеснение, как если бы вторгся в чужое жилье. Все хватит, это не заповедные владения, ни чей-то дом, а мавзолей. Гробница без могил. Очевидно, Лоран будет первым скелетом, которого обнаружат здесь. Мрачный юмор придал ему смелости, и он рванулся вперед и споткнулся о ступени. Эхо шагов потонуло во всеобъемлющей тишине. Вспыхнули еще несколько свечей в большом напольном канделябре. Лоран зажмурился, а когда разомкнул веки, то увидел возвышение с тремя ступенями, на котором стоял резной трон из слоновой кости, а на троне неподвижно застыла изящная, величественная фигура. Всего лишь статуя, изображающая красавицу, возможно, чей-то скульптурный портрет и довольно искусный. Каждая складка мраморного платья кажется кружевной, мраморные кисти рук на подлокотниках трона живыми, а бледные губы готовыми улыбнуться. Откуда такое впечатление реальности? Возможно, из-за золотой короны с жемчугом и крупными рубинами, надетой на голову изваяния.

В другой раз Лоран оценил бы такой драгоценный венец с чисто профессиональной точки зрения. Его интересовала бы только цена, но даже думать о цене того, что принадлежит прекрасной скульптуре, казалось, кошунством. Все, что соприкасалось с этим мраморным идолом, становилось бесценным.

Лоран преодолел ступеньки, размышляя о том, как лицо статуи могло отразиться в зеркале, ведь она все время сидела здесь, она не могла стоять за его спиной, когда он смотрел в осколок, а показалось, что в тот миг, она заглянула ему через плечо.

Снова в отдаленных уголках раздался скрежет. Кто-то скреб когтями по полу. Свечи больше не загорались. Во мгле вспыхнули совсем другие огоньки. Теперь из всех углов склепа засверкали злобные звериные глаза. Волки! Почему он сразу их не заметил. Лоран вздрогнул и придвинулся к статуе, будто она могла его защитить. Если бы сейчас кто-то предложил ему факел для самозащиты, то Лоран не испугался бы близости огня.

Серые тела метались от одного угла к другому, волчьи лапы мягко ступали по мраморным плитам или скребли их, но нападать не спешили. Последний взгляд на прекрасное, коронованное изваяние, решил Лоран, а потом можно встретить смерть. Он развернулся к идолу, и мысль о гибели от волчьих когтей уступила место другому страху. Скульптура больше не сидела на троне, она стояла в полный рост, корона не только придавала ей величие, но, и как будто, делала выше. Легкая, лукавая улыбка тронула ее губы. Тонкая мраморная рука была вытянута вперед в приглашающем жесте. Статуя была безмолвна, но Лоран знал, что сейчас будут произнесены слова:

– Пойдем со мной!

И он готов был пойти, куда бы она его не позвала.

После полуночи

Ноэль обошел пустую церковь. Длинная одежда приятно, но непривычно шелестела. Ощущение эфеса шпаги в руке было более естественным, чем всеобъемлющая тишина вокруг. Ноэль старался не думать о наследстве и титуле, которые должны были бы принадлежать ему. Его судьба в этом приходе. Эту ночь он проведет здесь, а с утра вернется в свою каморку. Долгое ночное бдение еще впереди, а усталость уже дает себя знать.

Какая-то птица ударила крыльями о стекло. Надо проверить, все ли окна закрыты. Ноэль прикоснулся к железному переплету на окне у алтаря, проверил плотно ли прикрыта задвижка. За двором церкви лежал унылый пейзаж. Пустошь, заросли репейника, и только где-то вдалеке начинал расцветать вереск. Братья пустили в ход все праведное и неправедное, чтобы сослать его, как можно дальше. Ноэль прислонился лбом к стеклу, вспоминая последние дни, проведенные в далеком блестящем мире. Алый луч, коснувшийся стекла и заигравший на нем радужными бликами, заставил Ноэля оторваться от грустных мыслей. Где-то вдали, за пустошью, разливалось по небосводу алое сияние, словно багряная, огненная с кровью зарница. Такой ореол над землей возникает, когда горят где-то скирды сена. Может, вспыхнул на полях убранный урожай, или занялась чья-то соломенная крыша. Ноэль зажмурился, представив себе пылающие стога сена и дома. Бежать бы на помощь, но нельзя забывать о том, что он больше не хозяин поместья, а будущий священник. Сегодня опасная ночь, и он не имеет права уйти из церкви.

К тому же, это может быть и не пожар, просто далекий отблеск фейерверка. Но где здесь может быть устроен фейерверк, ведь кругом только бедные крестьянские хижинки и лачуги, а единственное поместье находится очень далеко отсюда.

Ноэль прижал руку к стеклу, будто боялся, что окно вдруг сможет распахнуться само по себе, приоткрыв щель в другой мир.

Вокруг не раздавалось ни звука, но Ноэль почувствовал за спиной чье-то присутствие. Может, кто-то стоит у закрытой двери. Ноэль должен был пойти в притвор и проверить. В сегодняшнюю ночь он обязан дать убежище любому, кто попросит об этом. Он прошелся по нефу и вынужден был остановиться на полпути. В пустой церкви, прямо на полу, сидел, опустив голову, прекрасный златокудрый юноша. Как он мог войти, ведь дверь давно закрыта, церковь пуста. Ночь не то время, когда скамьи заполнены прихожанами.

Кто этот незнакомец? Судя по одежде, аристократ. На безымянном пальце изящной и тонкой, но сильной руки сверкало гербовое кольцо с печаткой, как осколок того мира, из которого Ноэль был изгнан. Ноэль сам не понял, почему ему показалось, что эти тонкие, очень длинные пальцы с ухоженными ногтями, хоть и выглядят хрупкими, но обладают сверхчеловеческой силой.

Золотоволосая голова медленно поднялась, будто незнакомец только сейчас понял, что он здесь не один. Вокруг было темно, но бледное лицо, как будто, светилось каким-то внутренним светом. Ноэль чуть не задохнулся при виде этой поистине неземной красоты.

Сначала Ноэля посетила отчаянная мысль, что перед ним ангел, посланный с небес, но, словно отвергая эту догадку, губы юноши всего лишь на миг исказила неприкаянная усмешка грешника, мелькнула, как оптический обман на невинном чистом лице. Ноэль рассматривал незнакомца, забыв о вежливости, забыв даже о том, что перед ним живое существо, а не немое произведение искусства в какой-нибудь галерее. Он пытался запомнить каждую черту. Золотые пряди волос, такие красивые и мягкие, что хотелось прикоснуться к ним, чтобы убедиться, что они такие же нежные на ощупь, как кажутся. Ноэль вглядывался во мглу, тщетно ища крылья за спиной незнакомца, но их не было. Возможно, всего лишь на миг очертания распростертых крыл взмахнули и исчезли за его спиной, но они почему-то были темные с золотой каймой,

а не белые. Опять обман света и тени, или все-таки не обман? Ноэль так бы и стоял молча, если бы незнакомец не заговорил первым.

– Я хочу покаяться! – слова, произнесенные мягким, бархатистым голосом, почему-то резанули по слуху и чуть не оглушили.

Ноэль отступил на шаг, не зная, что сказать в ответ.

– Я, как видите, еще не принял сан, – наконец сумел выдавить он из себя, и собственные слова показались ему глупыми, а голос слишком грубым по сравнению с теми волшебными, но зловещими звуками, которым он только что внимал.

– Но ведь исповедь вы выслушать можете, – тут же парировал юноша с удивительной беспечностью и, как показалось, с ноткой цинизма.

Может, Ноэлю только почудилось, что незнакомец прибавил к сказанному:

– Из сострадания к ближнему, из жалости ко всем тем, кого я еще погублю.

Нет, он не мог такого сказать, скорее всего, Ноэлю послышалось. Вернее, он услышал это в своем мозгу. Вот, что значит недосыпать, начинаешь верить в то, что кто-то, находящийся рядом, может заставить тебя услышать то, о чем он подумал, не произнося этого вслух.

Всего на один короткий безумный миг в мозгу Ноэля пронеслась, как комета, вспышка озарения. Сознание, утомленное долгим бодрствованием, отказалось воспринимать ее. Можно ли подумать, что этот юный аристократ спасается бегством от огня инквизиции, ведь у портала не стояло ни кареты, ни коня, не было слышно подъезжающего экипажа, а дворянство не привыкло к долгим пешим прогулкам. Тогда, может, этот юноша сам демон и по какой-то неведомой причине пришел сюда раскаяться за всех тех, кого сношение с его собратьями обрекло на муки от палачей в застенках или в адских котлах.

Ноэль тщетно пытался расслышать в тишине грохот колес, звяканье упряжки, голоса сопровождающих слуг, какие угодно звуки, подтверждающие то, что перед ним не дух, а живой человек, которого кто-то ждет у выхода, чтобы ему не пришлось одному возвращаться домой через пустоши, леса и большие дороги, где по ночам орудуют банды разбойников. Да, и какой человек сможет за одни сутки преодолеть пешком или даже в карете долгую дорогу до ближайшего города. Для этого, действительно, нужны крылья.

– Возможно, я и не хочу, чтобы кто-то отпустил мне грехи, – бледные губы опять едва шевельнулись, произнося слова. – Возможно, мне всего лишь надо, чтобы кто-нибудь меня выслушал, вы молоды и воспринимаете все близко к сердцу, если я расскажу вам о своих злодеяниях, то вы отвернетесь от меня, а не простите.

– Бог простит все, если вы покаетесь.

– Но ведь вы еще не слышали о том, что натворил я... иначе, вы узнали бы меня в лицо.

Он легко и быстро поднялся. Один миг, и он уже на ногах, движения по-кошачьи гибки и неуловимы. Когда-то Ноэль считался отличным фехтовальщиком, но сейчас он чувствовал себя почти неуклюжим в сравнении с этой стремительностью и грацией.

– Нет, не в исповедальню, – поспешно возразил юноша, угадав намерение Ноэля, – лучше прямо здесь.

Он опустился на скамью и облокотился о деревянную спинку, слышен был только его тяжелый вздох, само движение грациозное и бесшумное. Даже лист, слетевший с дерева, не падает так тихо. Теперь в свете свеч можно было рассмотреть получше чистый лоб, изящную линию носа, красивые скулы, очень длинные ресницы, бросавшие тень на щеки – каждую составляющую черту волшебной красоты. Золотые кудри, схваченные на затылке черной атласной лентой, как нимб, обрамляли гладкое, казалось, навечно юное чело. Быть может, пройдет лет восемь, и возраст потребует свою дань, годы оставят след даже на этом, казалось, выточенном из мрамора или льда лице. Ноэль обладал богатой фантазией и одной способностью, которую он скрывал от всех, даже от самых близких людей – склонностью к провидению. Он

пристально посмотрел на незнакомца, попытался представить, как под нежной кожей этих век залягут морщинки и ...не смог.

То, что было обычной нормой жизни для людей, казалось, совсем не могло коснуться необычного ночного гостя.

– Вы живете здесь, в глуши, далеко от столицы, – тонкая рука случайно коснулась руки Ноэля, прикосновение льда. – Вы хотя бы знаете о том, что происходит сейчас в мире. Я никогда долго не живу на одном месте, переезжаю из города в город, спешу узнать новости первым и понимаю, что мир рушится, лик земли меняется, привычки людей тоже крушатся, как крепость после осады, привычная подошедшая к концу эра, а новая не предвещает ничего хорошего. И не думайте «он говорит так, будто прожил много столетий», я, действительно, успел многое пережить, гораздо больше, чем можно вместить в рассказ, рассчитанный всего на одну ночь. Поэтому я постараюсь быть, как можно более, краток. Я ступил на путь зла в ранней юности, не по собственной воле, по принуждению, но не испытывал никаких угрызений совести за то, что использовал то страшное оружие, которое меня научили пускать в ход, против своих же учителей. Иногда я скитался по миру, как тень, иногда на правах властелина и покорителя вторгался в целые области, и не было больше прежнего благоденствия там, где однажды побывал я. Я манил за собой во тьму тех, кто мне нравился, искушал, соблазнял, я приоткрыл людям путь к запретным знаниям... я убивал.

Он перевел дыхание и едва улыбнулся уголками губ.

– Думаю, о последних событиях, потрясших общественное спокойствие, вы все-таки не можете не знать. В городах пожары, болезни, смерть. Не так давно по Рошену волной прокатилась чума. Я был тому свидетелем.

– Не так давно? – удивился Ноэль. – Вы не могли этого видеть и остаться в живых, это было лет пятнадцать назад, а вам на вид не больше двадцати. Я не так невежествен и могу предположить, что окажись вы ребенком в зачумленном городе, вы были бы давно мертвы.

– Вы всегда смотрите только на внешность и никогда не пытаетесь заглянуть в душу собеседнику, – сказал юноша без укора, но с такой интонацией, что Ноэль невольно смутился. – Вернемся к причине всех этих напастей. Люди ее не знают. Верховные власти пытаются найти виновных, чтобы усмирить готовую к бунту толпу. Спокойствие народу могут вернуть только казни людей, обвиненных в колдовстве. Близок расцвет инквизиции, во времена моей юности она не была столь значима, сейчас в ней сосредоточена власть – сила страха. Ее слуги ищут колдунов, пытаются найти виновных, а хватают невинных. Стража арестовывает всех подряд, кто подвернется под руку в неурочный час. Крики, пытки, учащенные патрули, доносчики, костры в Рошене! Гибнут сотни невинных, а виноват во всем я один.

Бледные, красиво очерченные губы едва шевелились, между изящными бровями залегла страдальческая складка, можно было подумать, что он, действительно, раскаивается. Замаливает грех только для того, чтобы, переступив порог церкви, снова начать грешить. Такой красивый, но такой порочный. Либо искушающий демон, либо сумасшедший.

Словно уловив мысль Ноэля, он встрепенулся.

– Вы считаете, что публичное сожжение лжеколдунов, которые я наблюдал на площадях, лишили меня рассудка, вы можете думать, что хотите, но подсознательно знаете, что я не маньяк, не полуночный душитель, поэтому и избегаете моего взгляда. Вам известно, кто я, об этом знают все, но вслух упомянуть боятся. Нельзя упоминать беду, иначе призовешь ее к своему порогу. Вы можете не верить в меня. А можете просто думать, что если назовешь по имени что-то несуществующее, то нареченное именем из букв и слогов, оно может быть призвано к жизни.

Ноэль бы решил «он бредит», но ясные голубые глаза, в глубине которых, как мошка на стекле, затаилась какая-то темная крапинка, отвергали эту догадку. Взгляд осмысленный и даже мудрый. Таинственный пришелец пока что был в своем уме, но, очевидно, стал сви-

детелем таких кошмаров, что теперь лишь тонкая грань отделяла его от шага к безумию. Какие странные фрагменты сейчас заполняли его память? Было заметно, что он пытается найти подходящие слова, чтобы облечь в них свои чувства, но, чтобы описать их поточнее, не находится слов ни в одном земном языке, поэтому юноша прошептал, почти прошипел что-то на чужом, незнакомом наречии, нечленораздельном и абсолютно не восприимчивым для слуха. Как из человеческого горла вообще могут вырваться такие звуки, которых человек-то не в силах ни произнести, ни понять. У другого бы порвались до крови голосовые связки, если бы он попытался издать один такой звук, а потом еще шипение, почти змеиное, но более злое, чем даже у гремучей змеи.

– Вы смущены и устали. Я не хочу задерживать вас, – вдруг произнес он прежним мелодичным голосом. – Мне не хотелось вас пугать. Признаюсь только еще в одном, в том, что тяготит меня больше всего. Я говорил вам, что заставлял свернуть с пути праведного в первую очередь тех, кто мне приглянется. Трудно пленить того, кто сам привык соблазнять, но один раз это все же случилось. Я похитил очень красивую девочку и воспитал ее в своей злой морали, думал, что она станет лучше меня, а она стала хуже... Одно дело, творить зло по воле наставника и лишь иногда выбирать жертвы самому, а потом раскаиваться. Чудовище, что живет во мне, питается страхом и смертью, но не я сам призвал злого духа в свое тело. Она же, та, кого я люблю, добровольно ступила на тропу колдовства... но, вы, наверное, не сможете меня понять. Я зря пришел...

Он вскочил, по-прежнему, стремительно и молниеносно, один миг, и он уже был далеко. Ноэль едва успел догнать его и вцепиться в парчовый рукав камзола.

– Подождите! Вы должны вернуться, завтра с утра, когда здесь будет кто-то еще.

– Вряд ли я смогу, – юноша легко и небрежно стряхнул его руку со своего рукава.

– Тогда я попрошу святого отца молиться за вас, я обращусь к настоятелю. Вы не можете просто так уйти, даже не назвав своего имени.

– Смотрите! – златокудрый гость развернул Ноэля к окну. Теперь на горизонте была видна не только алая зарница, там, в ночи, бушевал пожар, пламя успело окрепнуть и разрастись, теперь оно, как какое-то сказочное чудовище, ползло по пустоши, слизывая кусты вереска и все, что встречало на своем пути.

– Перед оградой этого места огненная волна остановится, поверьте мне, – с какой-то странной интонацией предрек юноша. – Я не могу злоупотреблять гостеприимством, к тому же, здесь хранится один документ, который для меня очень важен.

– Меня зовут Эдвин, – наконец назвал его. – Но те, кому я причинил вред, называют меня иначе. Вы тоже знаете меня под другим именем. Это имя – Дракон.

Ноэль вздрогнул, развернулся от окна, чтобы еще раз взглянуть на изящный профиль и вытребовать у Эдвина признание, что все это просто шутка – проделка молодого аристократа, чтобы скрасить острым ощущением часы досуга, а пожар всего лишь иллюзия, наваждение, но Эдвина уже не было. А в тишине пустого помещения, казалось, до сих пор слышится шелест его плаща, темной бархатной накидки, которая вполне могла скрывать под собой сложенные, сияющие крылья.

Венера в толпе

Батист

Мне пришлось оставить университет. И не потому, что не мог учиться, напротив, моим способностям к изучению многих наук удивлялись и завидовали. Не имели значения даже строгость и некоторые притеснения со стороны преподавателей. Я ушел не поэтому. Мне никогда не доводилось ссориться или затевать дуэли с другими студентами, и они сожалели о моем внезапном исчезновении. Мои личные отношения к шумному городу и всем наукам, начиная от простого письма и кончая астрологией, здесь были ни при чем. Просто, каждую ночь, засыпая перед занятиями в своей каморке, я видел один и тот же страшный сон, и каждый раз просыпался в холодном поту в тот самый миг, когда часы на башне начинали отбивать двенадцать. Страх не позволял мне заснуть до утра. И можно ли бы сомкнуть веки после того, что я видел. Мне снилось, что я держу на коленях отрубленную голову своей сестры. Белокурые локоны струятся по моим рукам, с перерезанной шеи стекает кровь. Я зову ее по имени «Даниэлла!», и бледные мертвые губы шевелятся, силясь что-то произнести в ответ. Ее отделенная от тела, но все еще прекрасная, может быть, даже нетленная голова не может окончательно умереть, потому что должна поведать мне какую-то тайну, но разве может она выговорить слова, ведь и горло, и голосовые связки давно уже отделены от нее? Мне страшно держать ее в руках, но не хватает сил, чтобы разжать пальцы и выпустить ее. А рядом, возле окна стоит златокудрый, прекрасный злодей и смотрит на зарождающуюся луну. Почему я решил, что убийца именно он? В снах все так расплывчато и непонятно. Я ведь не видел, как он убил Даниэлла, не видел, как он переступил через обезглавленный труп, запутавшийся в оборках алого, бального платья. Возможно, лишь в своем воображении я дорисовал картину этого юноши-убийцы. В комнате, кроме него и трупа, никого больше нет, но должен быть кто-то еще, нет, не человек, у человека не может быть такой огромной крылатой тени с рубиновыми глазами, которая, как будто оторвавшись от хозяина, застыла на стене. Незнакомец у окна неподвижен, как статуя. В его руках нет ни секиры, ни ножа, которыми он мог бы отсечь голову Даниэллы. В комнате вообще нет никакого оружия. Одной рукой незнакомец придерживает штору, а вторая его рука, опущенная вдоль тела, в крови. Я знаю, что это кровь Даниэллы, но ведь это абсурд, нельзя же нанести такую рану одними ногтями. Для этого даже палачу требуется топор. Безоружный человек не может разрезать чье-то тело, разве только у него на руках отрастут драконьи когти. Тень ползет по стене, и я ощущаю в комнате, кроме незнакомца, присутствие дьявола. Мне страшно, а сон все не кончается. Я вижу, как по бледному красивому лицу незнакомца скользит кровавая слеза, точно такая же, как те, что видны под ресницами Даниэллы. Он оборачивается ко мне и произносит:

– Я ошибся. Это не та, кого я искал, – взмах плаща, и его уже нет, но за моей спиной скребется в темноте какое-то существо, которое продолжает шипеть в темном углу моей каморки даже после того, как я просыпаюсь. До тех самых пор, пока с ударами курантов, я не вскакиваю и не бужу студента, делящего со мной комнату, но могу ли я рассказать кому-то, что во сне держал в руках голову Даниэллы. Через неделю после того, как я уехал, кошмар прекратил мучить меня, но случилось это только после того, как сон стал явью.

Поместье, где я вырос, находилось далеко за пригородом Рошена. Я, единственный сын маркиза, должен был унаследовать вместе с титулом дворец, затерянный среди лесов и окруженный безлюдным парком. С детства у меня не осталось воспоминания ни об одном визитере, кроме странного садовника в черном, который приходил ухаживать за соцветием редких растений, причем я никогда не замечал, как он работает, подстригает газоны или срезает садовыми

ножницами цветы. Вся работа делалась, как будто сама собой. Он не трудился, но сад становился все роскошнее, а в вазах каждое утро благоухали только что срезанные цветы. Кроме него, лишь однажды я видел в поместье чужих. Это произошло ночью. Мы с Даниэллой, еще дети, спрятавшись, следили из чердачного окна, как по аллее проехала запряженная четверкой гнедых карета, как необычная пара, дама и кавалер, оба в алых масках, вошли в дом. Они о чем-то долго беседовали, запершись с отцом в его кабинете. А наутро отец нарядился в камзол с глухо застегнутым воротником и уже никогда не обнажал шею, но я видел тонкие глубокие царапины от пяти женских ногтей, выглянувшие однажды из-под оборки его жабо.

Замечу ли я снова эти отметины, объяснит ли мне отец, как они появились, может, мы запремся в кабинете, и родитель заведет долгий душевный разговор о семейном проклятии, фамильных призраках, или просто кровных врагах, а, может, вместо откровений станет выговаривать мне за то, что я так легкомысленно бросил уже оплаченное и почти завершённое образование. Надо было получить хотя бы степень бакалавра, но я не мог, да и не посмел бы надолго задержаться в городе, где меня мучил такой жуткий кошмар. По дороге домой я остановился на постоялом дворе. Придорожная таверна, под вечер показавшаяся за поворотом, стала для меня почти что спасением. Я уж думал, что придется заночевать под открытым небом. Идея ехать в темень по дремучему лесу, давно обратившемуся в охотничьи уголья волков, была мало привлекательной. Спать, завернувшись в попону, среди каких-нибудь руин мне тоже не хотелось. Кругом не было ни хуторов, ни сел, ни даже избышки лесничего, только таверна, которую выстроили здесь, наверное, совсем недавно. Ведь уезжая из поместья последний раз, я не встречал по пути никаких зданий, ничего, кроме редких верстовых столбов.

– Батист! – я обернулся на звук собственного имени. Кто-то звал меня со стороны леса. Всего лишь на мгновение мне почудилось, что кто-то прячется за раскидистой елью, что хрустит сухая ветка под чьей-то ногой. Раздался тихий ехидный смешок, а потом тишина. Кругом даже не чувствуется присутствие человека, с постоялого двора не долетает ароматный запах готовящейся пищи, не клубится дым возле трубы, в загонах не видно скота, не слышно клекота кур и других домашних птиц. В деревнях мне встречались куда более оживленные тракты, а здесь царило непривычное полное безлюдье. Я спрыгнул с лошади и привязал поводья к коновязи. Под частоколом валялись мелким коричневым крошевом глиняные осколки. Треснувший горшок, повисший поверх кола, вдруг помог разыграть моему воображению. Возможно, все дело было в необычной изогнутой трещине. Я представил, как тонкие нечеловеческие ступни оставляют следы на земле перед загонем скота, как чьи-то острые коготки вцепляются в куриные шейки, сворачивают головки индюшек, брызжет кровь. Обычное нападение волков, только воображение рисовало мне не волка, а подобное человеку, но опасное, крылатое создание, целую толпу, ворвавшуюся в полночь на постоялый двор. Острые когти царапают горшок, осколки сыплются на землю, а изогнутая ветвистая трещина, оставшаяся на глине, напоминает о ночном нашествии.

Что за странные мысли и образы? Неужели я схожу с ума? Нет, не может быть. Просто лекции по истории и астрономии слишком утомили меня, забили голову ненужными сведениями, как хламом. Скорее бы жизнь вернулась в привычную колею. Надо всего лишь добраться до родного поместья и убедиться в том, что Даниэлла жива, а существо с острыми когтями и молчаливый златокудрый юноша – это всего лишь безумная, навеянная историческими хрониками фантазия.

Я заметил пустующую собачью будку, и это показалось мне странным. Жилье возле большой дороги, на которое всегда могут напасть разбойники, не должно оставаться без охраны. Пес, конечно, не вооруженный ружьем страж, но он хотя бы может поднять лай, почуввав опасность. Очевидно, я пришел на ночлег к очень беспечным хозяевам, а, может, собак просто отпустили погулять, всякое может быть. Я немного успокоился, заметив за торцом здания грядки с луком, огурцами, редькой, пучками редиски и морковки. Огород не может быть таким

ухоженным и хорошо прополотым сам по себе, значит, в таверне живут работники. Я ступил на крыльцо. Дверь, распахнутая настежь, как будто, манила меня войти. Плетни розового выюнка, оплетавшего окно первого этажа, были частично содраны и беспощадно втоптаны в землю. Боярышник, разросшийся у задней стенки, обрубили под корень, а ветки жестоко разломали и раскидали по двору. Странное место, подумал я, переступая порог, срубленные деревья, втоптаные в землю цветы, незапертая дверь, все это наводит на плохие мысли.

– Эй, – негромко позвал я, и по тишине прокатилось эхо. Столики для посетителей не были придвинуты к стенам, а стояли в беспорядке, будто по первому этажу пронесся тайфун. Черенки от разбитой посуды устлали пол, занавески сорваны с окон. Проходя мимо одного стола, я заметил, что вся деревянная столешница исцарапана, будто чьи-то острые когти долгое время полосовали ее. Рискуя напороться на осколки стекла, я прикоснулся пальцами к глубокому царапину, убрал салфетку и заметил среди порезов надпись, выцарапанную на столешнице. Чье-то имя.

– Убирайся, постоялец! – вдруг произнес кто-то за моей спиной. Довольно грубое приветствие, я резко обернулся, но никого не заметил. Пальцы непроизвольно сжали эфес шпаги. Придорожная таверна вполне могла подвергнуться нападению разбойничьей шайки, но где же тогда трупы, где пули, застрявшие в стенах, окровавленные тряпки и ножи, почему грабители не унесли медную утварь и несколько безделушек, валявшихся на полу?

Я переступил через олени рога, очевидно, сорванные со стены и теперь лежавшие на первой ступеньке лестницы. По гвоздю, вбитому в стену, можно было установить, где они недавно висели. Шляпка гвоздя была сорвана, а сам стержень заржавел от обогрившей его крови. А, может, мне просто почудилось, что бурые пятна на железе это кровь. Светильники тоже были сброшены со стен, стеклянные колпаки разбиты, ковровая дорожка местами прожжена. Какой беспорядок. Я хорошо знал здешние края и мог предположить, что местные жители отправились охотиться за волком, среди суеверных простолюдинов были часты легенды об оборотнях, но, заметив ружья, также небрежно сваленные в общую кучу, я отверг догадку об охоте. Крестьяне бы никогда не пошли охотиться на волка с одним ножом, как это когда-то сделал я.

За окнами сгущались сумерки. Мой конь храпел и тревожно бил о землю копытами вниз. Надо отвести его в стойло, а самому заночевать в одной из пустующих комнат. Другого выбора нет. Не стану же я блуждать ночью мимо болот, чащоб и встречных погостов. Лучше провести ночь в пустом здании, чем на каком-нибудь кладбище, недалеко от голодных волков.

Двери всех комнат были распахнуты, некоторые даже сорваны с петель. У кого могло найтись столько сил, чтобы расщепить дубовые филенки и выдернуть из скоб прочные запоры? Только нечеловеческое существо могло сокрушить крепкие строительные материалы и переломать большую часть мебели. Я выбрал себе единственную комнату, которой, кажется, разрушители не коснулись. Дверь была распахнута, но крепко держалась на несмазанных петлях, в то время как другие либо лежали на полу, либо болтались на последней ненадежной заклепке и готовы были вот-вот обвалиться. Однако мне повезло, что удалось найти относительный комфорт. Засов сохранился на положенном месте. Узкая односпальная кровать с пуховыми подушками и стеганым одеялом для сна была куда более пригодна, чем какой-нибудь придорожный овраг. Здесь даже сохранились столик, пара стульев с резной спинкой и буфет из орехового дерева. Гардины с окна, правда, были сорваны. Их опаленные остатки лежали в золе на глубине остывшего камина. В распахнутые ставни дул прохладный ветерок. Всего одну ночь я проведу здесь, а завтра с первыми лучами зари пушу коня в галоп и никогда не вспомню об этом опустевшем месте.

В поленице у сарая мне удалось найти дрова. Под кроватью в моей комнатухе завалилась трутница. После нескольких неудачных попыток мне удалось разжечь огонь в камине. Пламя никак не хотело загораться, словно сами окружающие стены пытались воспрепятство-

вать этому. Моему коню тоже не терпелось поскорее убраться из стойла. Он не притронулся ни к сену, ни к лоханке свежей воды из колодца, будто и в том, и в другом мог таиться яд.

Тепло, исходившее от огня, было довольно приятным, но я развел огонь не для того, чтобы согреться. Мне хотелось развеять окружающую темноту. Тусклый свет от камина отогнал в сторону мглистый покров, но мгла осталась в моем сердце.

Дверца платяного шкафа, призывно скрипнув, приоткрылась, но я не стал раздеваться на ночь. Лег прямо на одеяло, подложил руки под голову и углубился в воспоминания. Зачем мне вспоминать все то, что я так стремился забыть? Зачем думать о по-кошачьему грациозной, элегантной даме, за которой я наблюдал, прячась в тени лестничных перил. Она шла по парадной ковровой дорожке так легко и свободно, будто парила над ней. Не походка, а стремительный полет. Так непринужденно и грациозно, совсем не ощущая земного притяжения, может двигаться только фея из сказки. А может, действительно, подол ее пурпурного, вышитого золотой нитью платья не касался земли. Я не помнил ее лица, не видел его, видел только алую с черными перьями маску, из прорезей которой выглядывали выразительные зеленые глаза. Дама приостановилась, заметив меня, затаившегося, сжавшегося в комочек у перил семилетнего ребенка. Красиво очерченные губы улыбнулись мне с невыразимым коварством, стремительный полет ночной феи на миг замедлился, и она поднесла руку к лицу, но маски не сняла. Указательный палец приник к округлившимся губам: «Молчи о нашей встрече, если хочешь жить». Она не произносила слов, но я их услышал. Она не сняла маски, но я знал, что прекраснее ее нет никого на свете. Дама двинулась в мою сторону, и я заметил, что ее расшитые жемчугом бальные туфельки, и вправду, не касаются ковра, даже кончик длинного шлейфа, который дама придерживала рукой, висел в паре дюймов над ворсистой ковровой поверхностью. Если бы только тогда она приблизилась ко мне, но скрипнула дверь отцовского кабинета, и дама поспешила прочь. Я думал, что громкое взволнованное биение сердца оглушит меня самого, но Даниэлла, прильнувшая сзади к моей спине, зашептала, и я все расслышал:

– Она- моя соперница, – шепнула сестра, ее губы почти коснулись моего уха. Откуда в непосредственном детском лепете вдруг может взяться столько взрослой злобы и ненависти.

– Что? – не понял я. – Соперница? Почему?

Как искушенная светская дама может быть соперницей ребенка. Наверное, Даниэлла выдумывает. Моя маленькая сестренка какое-то время задумчиво молчала, а потом шепнула так, как может сказать только взрослая женщина.

– Мы с ней любим одного и того же мужчину, – голос Даниэллы также утратил детскую беспечность. Он казался уставшим и озлобленным. Я обернулся к сестре, хотел спросить ее о чем-то, но заметил только оборки ночной сорочки, мелькнувшие на лестничном пролете.

Отец вышел из кабинета бледным и, как будто, постаревшим в один миг. Впал бы он в гнев, узнав, что мы следили за ним той ночью?

Я взбил и повыше поднял подушку, чтобы не задевать затылком деревянный подголовник кровати. Меня уже мучило другое воспоминание. День моего отъезда. Я собираю книги, которые понадобятся мне в университете. Даниэлла бесшумно выросла за моей спиной. Даже в дневном свете она показалась мне бледным призраком. Необыкновенно хорошенькая и стройная, в муслиновом платье с завышенной талией и длинными локонами, перетянутыми лентой на затылке. Всего лишь на миг мне показалось, что из-под бархотки на ее шее тянется точно такая же царापинка, как те, что я заметил у отца.

Очень ухоженная и порой капризная сельская барышня, мне она казалась самой лучшей. Пусть ее ни разу не вывозили в свет и не отдавали на воспитание в монастырскую школу, но те книги, которые она прочла, с лихвой превосходили любое самое лучшее образование. Позже, в университете, я убедился, что ни один из моих преподавателей не знает и половины того, что могла рассказать мне Даниэлла, девятнадцатилетняя девушка, увлеченная чтением настолько, что могла бы потягаться знаниями с лучшими профессорами.

– У меня есть тайный друг, – заявила мне однажды Даниэлла, и я засмеялся, решив, что она выдумала себе призрачного спутника. У нее было всего два пристрастия: наряды и книги. Удивительно ли, что про себя я назвал ее обладательницей чрезмерно богатой фантазии.

Она часто намекала на присутствие кого-то незримого возле нас, если бы только тогда я нашел в себе мужество ей поверить.

Когда слуги уже паковали саквояж, было уже поздно вызываться на роль защитника сестры, к тому же, долгое время я отказывался поверить в то, что ей необходима помощь. Каждая черта в ней была такой изысканной и кокетливой: нежный бантик губ, лукавые искорки в голубых глазах, непокорный локон, выбившийся из-под сердоликового ободка. Ее кожа, конечно, была очень бледна, но разве барышни, повсюду носившие с собой кружевные зонтики от солнца, не стремятся избежать загара и румянца.

– Ты уедешь, но кто-то другой все еще будет являться ко мне, – с какой-то обреченностью произнесла Даниэлла. Она говорила так тихо, будто боялась, что кто-то третий, невидимый, внимает всем нашим словам, и ей приходится осторожно выбирать выражения, говорить только намеками.

– Кто, Даниэлла? – беспечно спросил я, уже зная, что она начнет говорить о каком-то идеальном друге, которого сама же себе и выдумала. Здесь, в поместье, нам было слишком одиноко, чтобы не зачехнуть, красавица должна была кокетничать, хотя бы с вымышленным кавалером.

– Я его не придумала, – Даниэлла, как будто, угадала мои мысли. Я обернулся к ней с удивлением и непониманием, неужели она может читать, о чем я думаю, как по написанной книге. В этот миг фарфоровая амфора слетела с консоли и разбилась на сотни мелких осколков на ковре.

Наверное, кошка, подумал я, какое-нибудь ловкое домашнее животное, лававшее по гостиной, такой тяжелый предмет не мог сдвинуться с места сам по себе и даже с помощью сильного ветра. «Здесь нет кошек», как будто услышал я тихий ответ Даниэллы, но сестра молчала.

– Не уезжай! – вдруг попросила Даниэлла и с неожиданной силой вцепилась мне в запястье. – Не уезжай, иначе я останусь с ним наедине. Ты ведь тоже наследник отца, ты имеешь право разделить мою участь.

– О чем ты говоришь, – я, правда, не мог ее понять.

Даниэлла опасливо обернулась на опустевшую консоль и поближе придвинулась ко мне.

– Я заперла ставни на окне. Ты помнишь, я заставила слесаря установить замок, но это не помогло. Он все равно явился ко мне. Вначале я не боялась его. Он был так добр и предупредителен, и так ослепительно красив. Он помог мне найти мамино ожерелье, то самое из изумрудов, которое она потеряла перед своей смертью.

– Семейную драгоценность? Ты нашла ее и не отдала отцу? – я был изумлен. Раньше она никогда мне об этом не говорила.

– Он нашел ее для меня, а не для отца, – загадочно улыбнулась Даниэлла. – Он был так внимателен вначале, а теперь он обвиняет меня в том, что... – она не договорила, словно испугалась чего-то. – Наверное, так происходит со всяким, кто рискнет призвать злого духа. Вначале он нежно заботится о вызвавшем его, оказывает услуги, а затем поработывает того, кто осмелился однажды пригласить его к себе.

Я читал об оккультизме и других запретных искусствах. Даниэлла, наверняка, также пролистывала эту книгу.

– Какое отношение все это имеет к тебе? – осмелился спросить я, и сам же счел себя за это дураком. Даниэлла тут же обиделась и прошептала что-то типа того «ты говорил, что он мне не поверит».

– Кто-то приходит ночью к твоему окну? – уже более мягко спросил я. – Какой-нибудь парень из деревни?

Она звонко рассмеялась. На миг румянец вернулся на ее щеки, глаза зажглись озорным блеском.

– К воротам приходят раз в неделю только молочница и коробейник. Ты же не думаешь, что я говорю о них?

– Нет, конечно, – я не хотел показаться ей дураком, но, должно быть, именно таковым и являлся. – Ты пытаешься объяснить мне, что вызвала кого-то. Как это тебе удалось?

Она посмотрела на меня с искрой внимания и благодарности, и я на миг утонул в ее глазах, потерялся, как теряется всякий ум перед разгадкой непостижимой тайны.

– Я всего лишь прочла его имя. Ты спросишь, откуда я могла узнать. Кто-то написал это слово пальцем на пыльном подоконнике. Всего пять букв, начерченные на пыли витиеватым старинным почерком. Стоит только однажды произнести его вслух перед распахнутым окном, и он явится к тебе... А потом еще встреча в том трактире, за деревенской пекарней, – Даниэлла поднесла узкую ладонь ко лбу, будто лихорадочно пыталась что-то припомнить.

– Ты что-то путаешь. Там нет никакого трактира, – возразил я. – Мне хорошо знакома та местность.

– Но я же видела, – так может воскликнуть только обманутый ребенок. Продолжить наш разговор мы не смогли из-за вернувшихся за багажом слуг.

Я хотел поговорить с ней вечером, подошел к ее спальне, уже коснулся ручки двери и вдруг услышал, как Даниэлла разговаривает с кем-то. Первой моей мыслью было, что какой-то ухажер взбирается к ней через окно по колючему плетню роз, какой-нибудь безрассудный, безнадежно влюбленный мальчишка, которому не страшно пораниться об острые шипы, лишь бы только спеть серенаду для Даниэллы.

– Я не могу полюбить ее, не могу, – причитала Даниэлла. – Не могу полюбить их всех, эту твою проклятую армию! Они очаровательны, но ведут себя, как звери. Они так жестоки...

А может она разговаривает сама с собой, я хотел постучаться, но вдруг услышал, как чей-то глубокий проникновенный голос ответил.

– Я тоже жесток!

Обычная фраза, простые понятные слова, но сам голос состоит из непостижимых, несуществующих нот и оттенков. Ни бас, ни фальцет, ближе всего к тенору, но какая музыкальность, какие волшебные ласкающие слух созвучия. Всего три слова, и не имело значения, что они означали что-то страшное и несправедливое, я словно услышал всю гармонию небесной музыки и почувствовал, что меня ошачили.

Я приложил ухо к двери Даниэллы, прочные гладко отшлифованные филенки не могли отделить меня, от некоего тайного волшебства, обитавшего по другую сторону двери. Слишком слабая перегородка, мне казалось, что, прильнув, как можно теснее к ней, я почти ощутил чудесные объятия обладателя успокаивающего, волшебного голоса. Он больше не говорил, я хотел войти, но не решался. Я все еще слышал какие-то звуки, целую какофонию, перекрывающую голос, который что-то тихо отвечал, шептал, напевал и убаюкивал. И я не спал, я на самом деле слышал неземное, божественное звучание и шелест... шелест крыльев.

Дальше все воспоминания были стерты, словно меня настиг обморок. Я помнил только почтовую карету, ворота Рошена, дорогу, наводненную повозками и экипажами, ночные огни и первый утомительный день в университете. Два года я учился без помех. Лишь окончив уже семестр на третьем курсе, я проснулся однажды с боем часов и вспомнил свой ужасный сон, а где-то, в углу моей каморки, закопошилось и заскребло когтями по полу невероятное, безобразное, беспощадное существо из моих кошмаров. Тень дракона на стене. Четкая неизгладимая из воспоминаний печать. Я откинулся на подушку и прикрыл веки. Хотелось спать, но заснуть я не мог, потому что чего-то боялся. Безотчетный, преследующий меня страх

не проходил даже от ощущения тяжелой рукоятки заряженного мушкета, которую я не выпускал из запотевших от напряжения пальцев. Всего миг, и, нажав на курок, я снесу выстрелом голову любого бандита, который осмелится потревожить мой покой. Охотничий нож в кожаном чехле висел у меня на поясе. Нож, который один раз спас меня от, казалось, неминуемой смерти, но не смог спасти от увечья. Раны на плече, нанесенные острыми волчьими когтями, за три года так и не прошли, и все еще причиняли боль. Доктор извиняющимся тоном твердил что-то о том, что в кровь попала инфекция или какой-то яд, что меня с трудом удалось спасти, что веточки и обломки шишек, засорившие раны, не удалось вытащить даже пинцетом. Все врачи сходились во мнении, что несколько белых выпуклых полосок на моем плече не сгладятся никогда, но, что могут знать врачи? Они даже не поняли, кто нанес мне раны, не думали, что волчьими когтями можно так покалечить человека. Даниэлла ободрила меня, сказав, что при таком красивом лице, как у меня, никто не станет искать изъян в плече, но боль от комплимента не прошла. Любой инквизитор, сорвавший с меня камзол, принял бы такие раны за дьявольскую метку.

Конь внизу беспокойно заржал, я слышал, как он бил копытами о перегородку стойла, словно хотел вырваться и умчаться из этого проклятого места. Я опустил руку и нащупал на полу какой-то предмет, часы размером со скорлупку ореха. Я поднял их, откинул крышечку и взглянул на циферблат, но увидел не цифры, а набор необычных причудливых значков разных форм и размеров, однако пропорция деления соблюдалась. Стрелки уже почти приближались к тому значку, который заменял цифру двенадцать.

Конь заржал еще громче. Где-то далеко внизу хлопнула калитка, и ржание перешло в испуганный храп. Дверь, наверное, захлопала на ветру, решил я, но, на всякий случай, покрепче сжал свой мушкет.

Я прислушался к тишине, а вдруг внизу раздадутся чьи-то шаги, гвалт, брань и пьяные рулады вернувшихся разбойников, которые выбрали это место своим временным лагерем, но вокруг было тихо. Только слышался глубоко в ночи какой-то мерный легкий шелест, да мой конь, то на миг замолкал, то заливался долгим визгливым ржанием.

Надо все-таки посмотреть, в чем там дело, я не хотел остаться один в глуши, без коня, которого вполне могли украсть. Я встал, спустился по лестнице вниз. Кроме моих шагов, не было слышно ничьей другой поступи. Всего лишь на миг мне почудилось, что кто-то сидит за дальним столиком и пристально наблюдает за мной. Всего лишь наваждение, вызванное страхом и бессонницей.

Я вышел в распахнутую дверь, уже не обращая внимания на многочисленные царапины, испещрившие ее поверхность. Были ли они, когда я только вошел сюда. Подозрение промелькнуло уже после того, как я оказался во дворе. До конюшни всего пара шагов, но вместо этого я зачем-то открыл дверь загона, чтобы заглянуть в хлев и в птичник. Там, конечно, нет никакого скота, иначе я услышал бы хоть хрюканье свиней или клекот птиц. Им не прикажешь сидеть в тишине. Я вошел, высек искру из трутницы и содрогнулся от отвращения. Что-то липкое, склизкое и грязное валялось прямо у меня под сапогом. Куриный труп, шея оторвана, лужица крови растеклась по настилке сена. Свет мелькнул и погас. Еще одна искра, да и ту я высек с трудом. То, что я успел рассмотреть, чуть не стало причиной тошноты. Окровавленные насесты, разодранные тушки на полу, задранные овечки. Все это выглядело бы более естественно в пусть заброшенной, но мясницкой лавке, а не здесь, на грязном полу. Не было вокруг ни разделочных ножей, ни чего-то острого. Все туши были разодраны, как будто, чьими-то когтями. Кем-то более жестоким и кровожадным, чем даже волки. Те воруют птиц в качестве пищи, а некто, устроивший здесь скотобойню, задрал и кабанов, и цыпят просто для развлечения. Я кинулся прочь. Скорее в конюшню, забрать своего коня, вскочить в седло и скакать навстречу рассвету, подальше от этого воплощенного хаоса, бессмысленно пролитой крови и полной неразберихи.

В конюшне светился зажженный фонарь, хотя я не помнил, чтобы оставил его там. У меня попросту не было фонаря. Я осторожно двинулся вперед, тихо, по-хозяйски присвистнул. Лошадь всегда отзывалась ржанием на мой свист, но на этот раз не отзывалась. Один шаг по покрытому сеном полу, второй, вот я уже близко к нужному стойлу, но дверца распахнута, мой конь, как будто впал в ступор и не подает признаков жизни, а какая-то красавица стоит рядом и гладит его по загривку.

Блики от фонаря плясали по всем уголкам конюшни, словно бродячие огоньки, и они казались мне не оранжевыми, а разноцветными. Что-то неприятно хлюпнуло под ногой. Неужели я опять наступил на лужицу крови? Я сделал шаг назад, посмотрел под ноги и заметил сбитую подкову поверх растекшейся по полу темной густой жижи.

Какое-то маленькое проворное существо метнулось и перепрыгнуло через стойло. Скорее всего, кошка или рысь. Однако до этого я не видел ни одной рыси, которая может так молниеносно двигаться и оставлять такие глубокие царапины от когтей.

Внезапная боль пронзила пальцы, будто кто-то невидимый ущипнул меня. Я выпустил мушкет, и он с шумом упал на пол. Надо поднять его, но я почему-то не мог нагнуться, не хватало ни сил, ни смелости. Я, вообще, не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы сделать хоть движение, все тело странно онемело. Я мог только смотреть и ждать. Хотя рукоятка охотничьего ножа все еще торчала у меня из-за пояса, я чувствовал себя безоружным.

Негромкий хлопок раздался над головой, какое-то странное существо, слишком большое, чтобы принять его за паука или летучую мышь, проползло по потолку, кто-то рассмеялся, звучно и гадко. Красавица обернулась ко мне и окинула долгим, внимательным взглядом. Так, лукаво прищурившись, может смотреть только кошка на загнанную в угол мышь.

– А где все остальные? – набравшись храбрости, спросил я.

Я имел в виду хозяина гостиницы, слуг и других постояльцев, но девушка нахмурилась, будто неправильно меня поняла и как-то странно переспросила:

– Остальные? Неужели ты, правда, хочешь увидеть их?

Таким тоном обычно разговаривают с умалишенным, пытаюсь отговорить его от самоубийства. Неужели незнакомка принимает меня за дурачка? Казалось, что и она, и сама напряженная атмосфера тайны, и даже тени вокруг играют со мной в какую-то сложную запутанную игру, правил которой я не знаю.

– Где постояльцы, кухарки, коридорные? Где сам хозяин заведения? – я решил немного по-другому сформировать вопрос, и девушка загадочно улыбнулась мне в ответ.

– Ах, вот вы о ком! – в ее улыбке промелькнуло что-то довольное, как у сытой поохотившейся кошечки. Она показалась мне зловещей, красавица, ждущая кого-то во тьме.

– Где они? – уже настойчивее повторил я.

– Это так важно? – равнодушно переспросила она. Ее бледная светящаяся рука потянулась к гриве моего коня и распутала прядь, заплетенную в косичку. Что за наваждение? Кожа женщины не может светиться в темноте, как крылышки светлячка.

– Я же должен с кем-то расплатиться за ночлег, – почти с обидой попытался настоять я.

– Поверьте мне, вы еще успеете расплатиться, – тихо произнесла она, и что-то в ее интонации прозвучало подозрительно, какая-то легкая фальшь и едва уловимое злорадство. Фраза показалась двусмысленной.

Опять какой-то шорох на потолке, кто-то скребется коготками о перегородку крайнего стойла.

– А почему здесь нет ни одной лошади, кроме моей?

– Да, потому, что они здесь никому не нужны, – она вдруг заговорила так легкомысленно, чуть ли не насмехаясь над непонятливостью случайного встречного.

– Не хотите же вы сказать, что ходите по ночному лесу пешком?

– А почему бы и нет? – мое предположение вовсе не показалось ей нелепым. – В лесу еще много таких, как я. Если бы вы приехали днем раньше, то не застали бы нас здесь. Хозяйева этой таверны не слишком нас любили. А теперь их нет, и мы пришли сюда.

– А где бывшие хозяйева? – я ощутил, что снова могу двигаться, и крепче сжал рукоятку ножа. Кто-то подкрадывался ко мне со спины, я слышал тихие шаги и поскребывание, но обернуться не смел.

– Их здесь больше нет, – повторила она и слегка повела плечом. Я заметил, как под ее просторной накидкой что-то стремительно шевельнулось, плавно и с тихим шелестом, совсем как крыло птицы.

– На таверну напали разбойники? Я прав? – надо пуститься во все тяжкие и расспросить напрямую, иначе я еще долгое время буду мучаться сомнениями. – Они еще вернутся за остатками добычи или же после набега уберались отсюда навсегда?

– Здесь нет больше никаких бандитских шаяк, – строго возразила она и кивнула головой в сторону выхода, туда, где за дверным проемом шелестели вдали кроны лиственного леса. – В той чаще, где поселились они, лишним нет места.

– Они? – переспросил я. – Кого вы имеете в виду?

– Обещаю, что вы увидите их до конца ночи, – и опять под ее накидкой раздался тихий шелест, материя натянулась наподобие горба, но спина девушки осталась прямой. Неужели у нее под накидкой прячется птица? Странная привычка даже для избалованной сельской барышни – таскать пернатого питомца у себя за плечами, но, во всяком случае, это не мое дело. Хорошо, что Даниэлла никогда не держала в своем птичнике никого крупнее канареек.

– А я решил, что гостиницу разграбили бандиты, – мне надо было что-то сказать, чтобы прервать гнетущую тишину, в которой каждый миг раздавались какие-то странные, почти неразличимые, но опасные шорохи и шепоты. – Я увидел перерезанный скот и подумал...

– Им же надо чем-то питаться, – девушка снова кивнула в сторону леса. – Они требуют развлечений.

Она осеклась, будто испугалась, что сказала слишком много.

– Во всяком случае, вы очень смелы, – она тут же перевела разговор на другую тему. – Никто из проезжавших мимо горожан не решился бы заглянуть в место, где, вероятно, гнездятся преступники. Те, кто останавливались здесь до вас, были более трусоваты.

Меня так и подмывало спросить «а что случилось с этими постояльцами, смогли ли они благополучно выбраться отсюда», но я молчал, заранее зная, что ответ будет обтекаемым. Часы с репетитором, которые я нашел наверху, протяжно звякнули у меня в кармане, очевидно, стрелки сошлись на какой-то особой точке.

– Ну, вот и пробил наш час, – девушка подняла руку, чтобы подать знак кому-то, кто прятался в стойле. Какие у нее тонкие длинные пальчики, гораздо более длинные, чем у всех, кого я видел до сих пор. Она уже почти прищелкнула ими, но вдруг удивленно посмотрела на мое плечо, и рука ее безвольно упала вниз.

– Так вы из поместья «Суверен», – она вдруг заговорила таким строгим, сдержанным тоном, будто от меня исходила опасность.

Я заметил, что ворот моего кафтана распахнулся, и виден один из шрамов, пересекших плечо. Красавица перевела взгляд на мою голову, будто ища над ней некое подобие сверкающего нимба.

– Да, вы оттуда, – кивнула она, будто что-то неведомое прямо в воздухе начертило ответ над моей головой.

– Уезжайте! – красавица поспешно и проворно отскочила в тень подальше от моего коня.

– Простите? – не понял я.

– Видно, моим компаньонам придется обойтись сегодня без развлечения, – как-то странно усмехнулась она и тут же велела: – Забирайте своего рысака и мчитесь навстречу заре. Другим постояльцам не повезло так, как вам.

Я быстро накинул уздечку на уже стреноженного коня. Фонарь почти погас, а мне надо было еще найти седло, подтянуть стремяна и поднять с пола мушкет. Если бы только меня оставило надоедливое и неприятное ощущение, что кто-то ползает по потолку прямо над моей головой.

– Быстрее, – до этого приятный женский голос стал визгливым и злым.

Я кое-как приторочил к седлу свою нетяжелую поклажу, взял коня под уздцы и поскорее вывел из конюшни.

– Подумать только, он еще ни о чем не знает, – раздалось за моей спиной чье-то, но уже определенно не женское ворчание.

Я обернулся через плечо, чтобы посмотреть на говорившего, но в последних отблесках догорающего фонаря не заметил никого, даже девушка куда-то исчезла.

Я с неприязнью отвернулся от распахнутого загона, зажал ноздри, чтобы не чувствовать запах крови, грязи и разложения. Я ступал прямо по срезанным выюнкам, спеша добраться до выхода. Земля на грядках неприятно хлюпала под ногами, с хрустом обламывались со стеблей пучки салата. Я заметил несколько недавно пробившихся сорняков, скоро все это место зарастет ими, полынью, трава и колючие плетни разрастутся и обовьют здание так, что оно само станет частью леса. Некому больше ухаживать за таверной. Здесь нет никого, кроме трупов и призраков.

Скорее бы рассвет. Я вскочил в седло, в последний раз обернулся на опустевшее здание и заметил чей-то силуэт в распахнутом настежь окне второго этажа. Это ведь окно той самой комнаты, где я спал. Разве кто-то мог пробраться в дом так тихо и неслышно, что я этого не заметил. А может, этот кто-то влетел через окно, не без иронии подумал я. Я больше не оборачивался, но меня не оставляло ощущение, что кто-то легко запрыгнул на подоконник, чтобы следить за мной, и за спиной у этого создания бесшумно развеивается то ли длинный плащ, то ли шелестят самые настоящие крылья.

Ну, что за бредовые мысли. Я выехал на более- менее ровную дорогу и пустил коня сначала рысцей, потом быстрым аллюром, а через минуту и вовсе перешел на галоп. Кто-то гонится за мной, летит через лес. Предположение тревожным колоколом звенело в голове, мешая успокоиться и сосредоточиться. Какой-то необъяснимый, доводящий до оцепенения страх заставлял меня гнать коня во весь опор. Я ждал восхода солнца, как узник ждет освобождения, но желанный восход не принес яркого солнечного света. Пасмурное утро едва ли могло развеять мглу на окруженной с обеих сторон густыми зарослями лесной дороге.

По лесным болотам стелился низкий туман, пышная листва кленов и дубов затеняла путь. Я надеялся услышать песню малиновки или соловья, проследить полет скворцов, но не слышно было ни птиц, ни вечно лазающих по стволам белок, не видно было даже хищников. Можно ли было предположить, хотя бы ради шутки, что какие-то демоны, явившиеся из тени небытия, задрали всех волков в этой чаще.

– Батист! Батист! – кто-то шепотом произнес мое имя. Голос доносился со стороны болота и, как будто, манил меня поближе к тягучей трясине.

Я огляделся по сторонам, но не заметил никого, кто мог бы позвать меня по имени. Ни одного человека на дороге. Никого нет и возле болота, густо поросшего мхом и прикрытого палой листвой. Кто мог позвать меня, если кругом ни души.

На верхушке сосны раздался тихий, дробный перестук. Наверное, дятел, только почему-то мне звук клюва, дробящего кору в поисках червей, напоминает стук маленького молоточка.

Я спешил добраться до поместья, как можно скорее, и дорога казалась мне бесконечной. Уставший после долгой пробежки конь плелся шагом, и не было смысла его подгонять.

Я не хотел загнать коня и идти пешком по лесу, полному подозрительных звуков. Скорее бы за поворотом дороги показались высокие кованые ворота и подстриженные аллеи знакомого парка.

Скорее бы обнять Даниэллу и убедиться, что она жива, что страшная тень дракона не угрожает ей.

Подъехав к ограде, я не ощутил знакомого аромата мальвы и роз. Ворота были приоткрыты, но привратника нигде не видно. На раньше ухоженных газонах пробивались побеги сорняков, самшитовые кусты, подстриженные в форме шахматных фигур, разрослись так, что почти утратили фигурные очертания. Я шел через знакомый парк и не узнавал его. Любимые цветы Даниэллы: ирисы, гиацинты, жасмины были сорваны и втоптаны в землю. Кто-то обломал ветки акации и оставил валяться прямо на клумбе садовые ножницы. На моей памяти ни разу большие вазоны с бархатцами и куртины не прибывали в таком запустении.

Я поднялся по ступенькам на крыльцо. Мне навстречу не вышел ни один лакей, оставалось лишь самому прикоснуться к покрывшемуся тонким слоем паутины дверному молоточку. Я протянул руку, но вдруг дверь распахнулась сама собой, и из темного пролета, чуть не сбив меня с ног, вынырнуло целое облако гадких мохнатых тварей. Скользкие крылья мерзко захлопали, множество коготков успели задеть мою одежду. Летучие мыши! Это их коготки оставили прорехи в моем кафтане и ободрали ладонь, которую я выставил вперед, чтобы защитить лицо. На наших чердаках никогда прежде не водилось летучих мышей. Мы с Даниэлкой облазали в детстве все подвалы, но не замечали ни разу ни мышей, ни крыс.

Входя в дом я уже знал, что увижу такой же погром и запустение, как в придорожной таверне, знал, что, поднявшись по спиральной лестнице наверх, снова столкнусь с ужасной картиной из моего сна, но ничего не мог поделать.

Темнота опускалась стремительно. День обратился в ночь так быстро, словно наступило солнечное затмение, а я все ходил по неприбранным помещениям, разглядывая опустевшие рамы от порванных чьими-то острыми коготками картин, сломанную мебель, разбитые зеркала. Осколки фарфоровых сервизов звенели под сапогами. Мне пришлось зажечь лампаду, в которой еще осталось масло. В тусклом свете, исходящем от нее, разгромленные залы с остатками былой роскоши среди многочисленных обломков выглядели еще более зловещими и трагическими. Нетронутой осталась только одна хрустальная люстра в большом зале, через остальные, сорванные с потолка и разбитые, мне приходилось переступать или обходить их стороной. Кто мог учинить весь этот беспорядок. Я крепко сжимал медную, раскалившуюся чуть ли не докрасна ручку от лампы, но боли не ощущал. Казалось, появись сейчас передо мной виновник всей этой разрухи, я бы смог разорвать ему горло голыми руками. Нужно было дать выход гневу и отчаянию, но вокруг не было никого, на ком бы я мог выместить свою злость. Никого, кроме стен, ставших немymi свидетелями злодеяния. Они все видели, присутствовали при всем, невольно стали плотной каменной завесой, отделившей внешний мир от происходивших под их покровом злодеяний. О, если бы только стены умели говорить. Я бы заставил их открыть мне все.

– И как бы ты это сделал? – донесся откуда-то до меня насмешливый, озорной голос, и не было смысла оглядываться по сторонам, чтобы отыскать говорившего. Я знал, что в поместье не осталось никого живого. За последнее время уже можно было привыкнуть к голосам, которые окликали меня из ниоткуда, но я, как всегда, обернулся на звук, но, естественно, никого не обнаружил.

Осталось только переступить через разбитый абажур светильника, чтобы очутиться на первой ступени лестницы. Я поднимался вверх, смотря на криво висевшие на стенах и местами порванные портреты предков. Зачем мне идти в спальню Даниэллы, ведь я уже знаю, что увижу там, но я толкнул незапертую дверь и переступил порог... и сон сделался явью.

Реальность или наваждение? Действительно ли я видел стройный, золотистый силуэт у окна и окровавленную руку небрежно взмахнувшую, словно желая заменить этим изящным пугающим жестом слово «прости», или это просто огромная золотая птица стремительно и безвозвратно унеслась в ночь.

Я опустил в резное кресло, чтобы не упасть. Ноги отказывались держать меня, колени дрожали и подгибались. Лампа со стуком опустилась на низкий столик красного дерева, по случайности, оказавшийся рядом, и обожженные пальцы выпустили ручку. Я знал, что на коже остались ожоги, но боли не чувствовал.

– Даниэлла! – имя сестры сорвалось с моих губ звучно и неожиданно, как первое слово панихиды.

Она лежала там, на полу, в складках кроваво-красного платья, и была красива, как эльф. Мертвый эльф! И вот уже ее голова лежит у меня на коленях, я без страха глажу белокурые локоны, целую длинную сеть из крутых завитков, ощупываю ровную линию шеи, отделенной от плеч, ощущая подушечками пальцев едва уловимую шероховатость рассеченных вен, артерий и обломанных костей. Как прекрасно ее бледное лицо, с каким нечеловеческим усилием пытаются разомкнуться мертвые уста, чтобы сообщить что-то очень важное, но уже слишком поздно, на эти губы наложила свою печать смерть.

Мне показалось, что ее длинные ресницы чуть дрогнули, но отрубленная голова так ничего и не произнесла, вместо нее зашептал что-то я. Я хотел громко шептать слова молитвы, но вместо этого с губ срывались какие-то незнакомые мне и неприятные для слуха звуки. Нет, это не молитва. Я не хотел больше произносить сложные, иноязычные слова, но не мог остановиться. Губы сами шептали их, шептали то, чего я никогда не слышал и не мог запомнить. Впервые в жизни мне стало по-настоящему страшно. Почему? Зачем? С какой стати я должен произносить все это? Мне так хотелось вспомнить и произнести во весь голос какой-нибудь псалом или короткую молитву, но язык продолжал четко и лихорадочно твердить слова какого-то страшного, неведомого заклинания.

Мой голос сделался хриплым и неприятным. Разве когда-нибудь прежде я говорил с такой яростной, ненавидящей интонацией, будто бы кидая вызов всему миру, всем мифическим богам и всем нечеловеческим созданиям, притаившимся среди смертных на земле. Я бы никогда не осмелился на это, но кто-то другой осмелился вместо меня. Я слышал, как зашелетели от ветра хрустальные подвески единственной уцелевшей люстры в зале на первом этаже. Я видел какого-то чужака, возникшего в дверном проеме, и я хотел, чтобы он ушел отсюда восвояси, но он не уходил. Он внимательно, но без страха или осуждения, наблюдал за мной, худым, светловолосым юношей, сидящем в кресле и ласкающем отрубленную женскую голову, да и при этом еще бормочущем какие-то невнятные нечленораздельные заклятия. Он ведь мог принять меня за убийцу и кинуться на поиски расквартированного где-нибудь в ближайшей деревне полка, чтобы убийцу немедленно схватили и повесили, но он стоял неподвижно. А ведь любой вошедший сюда принял бы меня за преступника, и как я смогу доказать, что это не я убил Даниэлла. На моих коленях лежит ее отделенная от туловища голова, в поместье, кроме меня и трупа, никого нет, а на поясе у меня висит охотничий нож. Конечно, на лезвии нет ни капли крови, но разве поблизости мало ручьев, преступник смог бы отмыть нож даже в том чане с окровавленной водой на туалетном столике.

– Ты позвал меня вовремя, – незнакомец двинулся ко мне через спальню, и где-то вдали за распахнутым окном прогремел раскат грома.

– Кто вы? – я поднял глаза и тупо уставился на него. – Что вам здесь нужно? Здесь поселилась смерть, убирайтесь отсюда, если хотите остаться живым?

Я никогда еще не был с посторонними так груб, но на этот раз не смог сдержаться. Кто-то чужой вторгся в мое сознание, завладел всеми моими мыслями и заставлял произносить злые,

сварливые слова. В ответ в наступившей тишине раздался короткий смешок, и от этого звука у меня по коже пробежал мороз.

– А почему ты решил, что я жив?

Вопрос застал меня врасплох. Я едва мог шевелить языком по собственной воле, без чужого на то повеления, но прежде, чем я успел что-то произнести, длинные костлявые ладони обхватили мое лицо, горящие темные глаза заглянули в мои, и мне почудилось, что я стою на краю адской бездны.

Я крепче вцепился в мягкие, густые, обвивающие пальцы, как паутина волосы сестры, словно ища в них спасения.

– Оставь ее, – все те же неуловимые, узкие ладони отняли у меня голову Даниэллы и положили ее под бок трупа. – Ей уже ничем не поможешь. Она принадлежит ему.

– Кому? – нашел в себе силы спросить я, но вопрос так и остался без ответа.

– Пошли! – худая ладонь поманила меня куда-то во мглу. Морщинистая сухая кожа мерцала в темноте. – Следуй за мной!

– Зачем? – я настойчиво продолжал сыпать вопросами, надеясь получить удовлетворительный ответ, хоть на один из них. Вознаграждением за мое упорство стал лишь еще один короткий, пугающий смешок и мало объясняющая фраза:

– Я покажу тебе твое наследство!

Я кинул прощальный взгляд на труп Даниэллы, обезглавленное тело в атласном вечернем платье. Кровь на красном была не так заметна, а вот на обнаженных плечах алые мазки казались неприятно густыми и отвратительными, больше похожими на испорченную краску. Одна рука запуталась в длинном шлейфе, под второй ладонью, прямо в коконе блестящих пышных оборок, теперь покоилась мертвая голова. Свет от ее платиновых кудрей напомнил мне о лучах солнца, которое я, может быть, уже никогда не увижу, если последую за незнакомцем. Было что-то противоестественное в том, что мертвая Даниэлла была еще красивее, чем живая. На бледном теле не осталось ни одного увечья, ни одной царапинки, только темный кровавый шрам в том месте, где голова была отсечена от шеи.

– Зловещая, увлекательная картинка, – теперь уже незнакомец чуть не расхохотался. – Ты будешь всю ночь смотреть на нее и изображать из себя великомученика или все-таки пойдешь за мной. У меня есть для тебя нечто более интересное, чем одна зарезанная девчонка.

Да, как он смеет так про нее говорить. Мои кулаки непроизвольно сжались, я поднялся с кресла с твердым намерением избить и выставить за порог нахального чужака, но его снисходительная насмешливая ухмылка заставила меня остановиться. Он смотрел на меня, как на ленивого непослушного ученика, как на блудного сына, который наконец-то вернулся домой к своему настоящему отцу, которого прежде никогда не знал, и этот отец оказался демоном.

– Идем! – уже более строгим, не допускающим возражений тоном велел он. Я знал, вторичного предложения не будет, если я не послушаюсь, то последует уже не убеждение, а наказание. Зачем он так настойчиво зовет меня за собой. Я смотрел на его широкую мощную спину, на потрепанный и опаленный по краям, как у бродяги плащ, но он не был бродягой. Бездомный, юродивый или нищий не может вести себя с таким царским достоинством, с таким твердым и не проходящим ощущением собственного превосходства, незримой силы, довлеющей и над всем поместьем, и надо мной. Пусть его накидка изодрана, и из-под нее на прямой спине выпирают ребра и изгибы лопаток, пусть его лицо спрятано в тени, из которой сияют лишь черные немигающие бусины глаз. Да, накидка у него в дырах и в золе, как у последнего попрошайки, но он ведет себя, как принц, и сила, исходящая от него, невероятна, но вполне ощутима.

Я пошел за ним, придвинулся поближе к его спине, и мне показалось, что от его одежды исходит запах земли и разложения. Неужели я иду вслед за трупом, вставшим из могилы, и не смею перечить ему. Куда он увлекает меня, на деревенское кладбище, чтобы я, живой, лег

в один гроб вместе с ним, покойником? Как часто такие неправдоподобные истории описывались в старинных балладах, а теперь я сам, как будто стал героем одной из них.

Мы вышли не через дверь, а через какой-то другой потайной ход, о котором я не знал, прошли по длинному узкому тоннелю, в котором я ни разу не был. Воздух здесь был спертым и пахнущим гнилью. Не знаю, какими путями, но провожатый вывел меня к знакомым дверям из черного дерева с резьбой и позолотой. Костлявая рука легка на ручку двери.

– Нет, только не в отцовский кабинет, – отец, возможно, уже тоже был мертв, но я все еще испытывал суеверный страх, перед местом, где когда-то видел двух странных ночных визитеров. Сейчас, в это страшное время, я не хотел входить в кабинет, порог которого раньше мне было запрещено переступить. Я схватил проводника за локоть, но он легко стряхнул с себя мою руку. Раньше я гордился своим высоким ростом и гордой осанкой, но вблизи чужака ощутил себя чуть ли не карликом. Он был на голову, или даже на две, выше меня. Значит ли это, что обладателя такого ненормально высокого роста я смогу тут же отличить в любой толпе? Его голова в причудливой широкополой шляпе тут же выделится над морем обычным человеческих голов.

Раздался щелчок замка. Сильная рука втащила меня в кабинет, и дверь с шумом захлопнулась за моей спиной. Книжки, стопки фолиантов, вначале я заметил только их. Хаотичное нагромождение томов, документы, счета, договоры с арендаторами, ноты и партитуры, выписанные из Рошена для Даниэллы. Вначале я рассматривал каждую деталь: кушетки, кресла, стеллажи, какие-то колбы и стеклянные реторты, по которым, булькая, текла алая жидкость. В самую последнюю очередь я решился взглянуть на массивный дубовый стол, на котором в окружении черных свечей лежала раскрытая книга.

– И это мое наследство? – с усмешкой поинтересовался я, когда костлявая, словно сделанная из железа рука подтолкнула меня к книге. – Я рассчитывал получить хотя бы богатство, а получил только это.

Подумать только, даже в такой момент у меня нашлись силы, чтобы проявить чувство юмора. А может быть, я решил подшутить над смертью, может, как раз сейчас, когда я уже позволил завлечь себя в ее логово, костлявые пальцы достанут из-под рваного плаща косу, и острое блестящее лезвие полоснет меня так, чтобы шрам пересек губы и щеку.

Мелкие, причудливые значки испещряли выцветшие страницы. Черные и красные символы, со множеством завитков, палочек и дробей. Я никогда не видел ничего подобного ни на страницах учебника арифметики, ни в астрономических подсчетах, ни в физике, ни даже в метафизике. Конечно, среди непонятных знаков встречались иногда какие-то чертежи и геометрические фигуры, но, если присмотреться то, все они оказывались гораздо более сложными, чем в геометрии. Нет, это не геометрия, и не алгебра. Ни один математик или языковед не разобрался бы и в малой части того, что записано здесь.

– Магические письмена! – я прикоснулся к сухой, ветхой странице и произнес вслух то, о чем подумал. Незнакомец одобрительно и глухо засмеялся в ответ, словно желая сказать «молодец, ты правильно угадал». Не смех, а жуткое эхо, исходящее из глубины развернувшейся могилы.

– Неужели отец занимался алхимией? – я погладил страницу и понял, что под пальцами шуршит не бумага и не пергамент, это выделанная кожа, но не телячья, нет, у скота не бывает точно такой же нежной текстуры кожи. Я прикасался точно к такому же содранному кожному покрову, который обтягивал мои пальцы, руки, лицо, все тело, и хотел в ужасе отдернуть ладонь, но не мог.

– Алхимия? – на этот раз в усмешке слышалось неодобрение. – Значит, ты так ничего и не понял.

– Я понял, но, боюсь себе в этом признаться. Боюсь поверить в то, что это не еще один кошмарный сон, – решительно и твердо возразил я. Я не любил, когда надо мной пытались подшутить, как над простачком, и всегда умел поставить насмешника на место.

– Да, конечно, еще один сон, – он сложил крепкие костлявые руки на груди, полы рваной накидки взметнулись вверх, и под ними мелькнул истлевший бархатный камзол, от которого так же исходил запах праха и земли. – Если это сон, тогда где же то мерзкое чудовище, которое скребется возле твоей кровати и готово вот-вот выпрыгнуть из мглы, чтобы перегрызть тебе горло, где твой сосед по комнате, где мерный бой часов, будивший тебя каждую ночь?

– Я понимаю, чего вы от меня хотите, – мне не терпелось отойти от стола, но я не мог сделать ни шагу.

– Неужели? – и опять он пытается надо мной насмехаться.

– Я не стану заниматься колдовством, – уверенно процедил я сквозь зубы. – Я не верю во все эти глупости и считаю их несущественными...

– Твой отец верил, – спокойно и многозначно возразил он.

– А где мой отец, в какой канаве сейчас гниет его обезглавленное тело? – я больше не мог держать себя в руках и готов был кинуться на чужака с кулаками. Он был единственным здесь, кто мог мне хоть что-то объяснить, но он предпочитал говорить загадками.

– Ты хотел спросить меня не об этом, – совершенно спокойно возразил мой мучитель, как будто вовсе не замечая моего неистовства и ярости. – Тебе было бы интересно узнать, кто так внезапно оборвал жизнь твоего отца и твоей прекрасной сестры.

– Их убило колдовство, – я с отвращением покосился на распахнутую книгу, и одна из черных свечей погасла, с потухшего фитиля зазмеился дым.

Незнакомец принялся к воздуху, мгновенно пропахшему гарью и начал настороженно озираться по сторонам. Его глаза быстро бегали из угла в угол, от свечи к свече, только кинув злобный взгляд на погасший фитиль, он вновь сумел взять себя в руки, спрятать волнение за маской высокомерия и равнодушия.

– В случае с твоим отцом, да, – согласился он на одну мелкую уступку и тут же зловеще оскалится. – Во всем надо знать меру, особенно в запретных искусствах, ты, наверное, читал об этом в университетской библиотеке, в книгах, которые вы, смертные, называете сказочными. Скажем так, твой отец всего лишь перегнул палку и стал жертвой собственной алчности, но эта обезглавленная белокурая милашка, кстати, вы с ней похожи друг на друга, как близнецы...

– Мы не близнецы, – строго возразил я. Любое его замечание в адрес мертвой сестры тут же пробуждало во мне гнев. – Так, что там вы хотели сказать насчет нее? Как погибла Даниэлла?

– Разве не ты сам видел крылатую тень на стене? – насмешливый голос вдруг стал вкрадчивым, почти обольстительным. Так проникновенно и убедительно, наверное, говорят демоны с намеченной, но еще не попавшей в их тенета жертвой.

– Тени не убивают людей, – снова возразил я.

– Смотри, какие тени. Ты забыл, что если есть тень, то рядом должен стоять и ее хозяин.

– Там не было никого. Никакого крылатого чудовища... только юноша, который что-то сказал мне и исчез, – уже шепотом добавил я, мне не хотелось говорить никому о прекрасном незнакомце. Уже одно упоминание о нем в присутствии мрачного чужака показалось мне кощунством. Разве можно говорить о светлой, золотистой святыне в присутствии этого демонического пришельца.

– Я бы рассказал тебе кое-что об этом божественном создании, – чужак словно читал мои мысли. – Однако, у меня есть причины опасаться, что ты расценишь мои слова, как клевету.

– Это, скорее всего, и будет клевета.

– Как ты его защищаешь, – сухой шелестящий смех зазвучал прямо у меня над ухом, худая рука крепко сжала мое плечо, заставив чуть ли уткнуться в книгу. – Ты еще даже не знаком с ним, не знаешь даже его имени, а уже готов отдать за него жизнь. Его власть над такими, как ты, за прошедшее время не убывала, а, наоборот, возросла.

– Я ни за кого не собираюсь отдавать жизнь. Я не знаю ни его, ни твоего имени. Не знаю, зачем вы пришли ко мне, но он ... Разве у божества может быть имя.

На этот раз над моим ухом прошелестел тихий, огорченный вздох. Я почувствовал, как тягостно напряглась грудная клетка, прижавшаяся к моей спине так, что я вынужден был в упор смотреть на магические символы на страницах. Воск, капающий от свечей, чуть ли не касался кончиков моих ресниц.

– Пусти, я не хочу этим заниматься, – еще одна свеча потухла, и змейка грязного серого дыма взвилась к потолку. Фитиль третьей свечи опасно затрещал, будто тоже готовился потухнуть. Сильная, стальная ладонь крепче сжала мое плечо.

– Ты не хочешь отомстить? За Даниэлла?

– Кто убил ее? – настойчиво повторил я в ответ. – Кто мог так жестоко обойтись с юной, никому не причинившей зла девушкой?

– Если я скажу, ты мне все равно не поверишь.

– А вы попытайтесь! – я старался казаться таким же наглым, как он, чтобы добиться ответа, но чужака было ничем не пронять.

– Я ведь мог бы потребовать с тебя клятву, чтобы ты продолжил дело своего отца, своих деда, прадеда, всей своей семьи...

– Какая вам от этого польза? От того, что я стану еще одной заблудшей, грешной душой?

Никакого ответа, только смех или вздох. Я уже успел привыкнуть к этим шелестящим, подобно бумаге, но нечеловеческим звукам.

– Так ты хочешь отомстить, или нет? – последний вопрос, другого уже не последует.

– Да, – произнес я, не задумываясь, взглянул на пламя свечей, на длинные строчки магических символов и уже увереннее повторил, – да.

И потухшие свечи разом вспыхнули. Их не смог погасить даже ворвавшийся в распахнувшееся окно порыв ветра.

– И кому же я буду мстить? – спросил я, когда он освободил меня и отошел в тень. – Каждому прохожему? Или мне посидеть, подождать на кладбище, пока появится в полночь драконья тень?

– Не скучно жить тем, кто даже смерти в лицо готов отпустить шутку, – то ли насмешка, то ли похвала, а может, и то, и другое. – Оставайся таким же, и, может, тебе выпадет шанс побеседовать с господином Смертью в его империи и вернуться оттуда живым.

Он двинулся в темный угол, словно готовясь раствориться во тьме, но вдруг, словно, вспомнив что-то, остановился и посмотрел на меня долгим пронзающим взглядом.

– На все свои вопросы ты найдешь ответ в книге, – снисходительно сообщил он, и, как будто, растаял в пустоте.

– Подождите, – хотел вымолвить я. – Что будет, если я вернусь в Рошен, и обращусь за помощью к властям, это их дело искать убийцу, и я расскажу им обо все, даже о вас.

И какой-то голос в моем мозгу, засмеявшись, ответил, а кто поверит тебе, после того, как ты сбежал из университета, а оттуда просто так никто не уходит, ты вполне мог вернуться в поместье, и в день приезда убить свою сестру. Свидетелей нет, тебя ждет плаха. Сосед по комнате, успевший понять, что тебя каждую ночь мучают кошмары, очень быстро окрестит бывшего друга умалишенным, никто не станет помогать тебе, никто, кроме колдовства. У тебя нет других защитников и пособников, кроме твоего тайного наследства. Бери скорее книгу и огради себя ею, как щитом.

Я взял ее в руки, а свечи все еще продолжали гореть зловещим темным полукругом, те самые свечи, которые опалили мне кончики ресниц. Что мне делать с таким наследством? Как жить дальше с воспоминанием о том, что произошло этой ночью?

Я не смогу остаться в поместье, где погибла Даниэлла. Я решил, что уеду назад в Рошен, но сначала нужно похоронить труп сестры. Можно закопать ее прямо в саду, под кустами шиповника и барбариса, в живописном местечке возле беседки, которое при жизни она так любила.

– Нет, не шиповник. Розы! Лучше закопай ее под розами, – произнес нараспев какой-то тоненький голосок, и мне почему-то показалось, что он донесся до меня со страниц книги.

И я последовал совету. Сначала я хотел поместить тело в массивный кованый сундук, чтобы получилось хоть какое-то подобие гроба, но не решился. Будь поблизости мастерская гробовщика, и последнее ложе моей сестры напоминало бы не ящик, а роскошную бонбоньерку, в которых по легендам спят женщины-вампиры. Но идти к священнику и на кладбище, нет, я не мог, не посмел бы. Я вырыл глубокую яму под кустами роз и закопал там тело даже без полотняной обертки таким, каким оно и было в облаке алого атласа. Меня не оставляло ощущение, что я хороню не труп, а тряпичную куклу, полотняная кожа которой поблескивает мелкими звездочками фальшивых бриллиантов, но пробьют часы, и в сад придет мальчик-аристократ, влюбленный в эту куклу, и выкопает ее из-под роз, чтобы вернуть к жизни.

Отложив лопату, я стал искать топорик, чтобы срубить и обтесать какую-нибудь осину на две перекладины для креста. Я уже почти соорудил некое подобие распятия, как вдруг, кто-то словно схватил меня за руку и шепнул на самое ухо: «неужели ты собираешься ставить крест на могиле у колдуньи?»

– Не смей! – поддержал второй уже более звучный голосок. – Она вызывала демона, она принадлежит ему.

– Не бери на душу грех, – подпел кто-то третий. – Взяв в компанию нас, ты все равно еще успеешь нагрешить.

Либо я схожу с ума, либо голоса исходят от странной книги. Я поскорее запихнул ее в дорожный узелок, который обычно приторачивал к седлу. Пора собраться в путь и запереть поместье. Жаль, что нет времени нанять новых сторожей и завести собак. Мне не терпелось уехать, как можно скорее, точно с таким же рвением еще недавно я спешил в этот дом, а теперь стремился покинуть его.

Сбережения, хранившиеся в тайниках, как ни странно были целы. Наверное, злые духи, если таковые напали на поместье не опустили до того, чтобы отнять золото, которое сами же и притащили в нашу семью. Неужели мои предки покупали семейное благополучие ценой собственной души? Что бы не рассказывал странный чужак, я отказывался поверить ему. Я взял с собой достаточно денег на дорогу, подумав, набил червонцами и карманы, кто знает, останется ли все это здесь, после того, как я уеду, или же призраки решат утащить все для себя. Под руку случайно попала шкатулка с драгоценностями Даниэллы. Надо было зарыть их вместе с ней в могиле. Я поклялся, что никто никогда не наденет их, потому что когда-то они украшали ее уже перерубленную шею.

На те деньги, что я взял с собой, вполне можно было купить коттедж у моря и прожить там подальше от этого места, но меня тянуло в Рошен. Хотелось затеряться в толпе нарядных горожан и забыть о своих бедах. Все свое наследство, кроме той малой части, что взял с собой, я оставил в запертом поместье, в когтях у, возможно, еще не отлетевших от его окон призраков смерти. Однако если верить добровольному мрачному наставнику, то мое самое главное и ценное наследство – это колдовская книга, и она стоит дороже, чем все золото, накопленное моими предками. Об этом я старался не думать, быстро прихватил с собой легкий саквояж, немного красивой одежды из своего гардероба и тяжелую отцовскую шпагу с причудливой узорчатой гардой.

Гроза застала меня в пути, но я больше не боялся, ни темноты, ни лесных хищников, ни дождя, и все же меня настораживал один звук, прорывавшийся сквозь шум падающих капель. Теперь я уже точно знал, что это не стук дятла, а перезвон крохотных молоточков, которой исходит не только с вершин отдельных деревьев, как мне показалось вначале, а по большей части доносится из-под земли.

Рошен. Пестрая многолюдная толпа на площади. Цветастые вывески кабаков и освещенные порталы театров. Морозящий дождь и свет фонарей, центр города и окраины, блеск и нищета, веселье знати и преступность разбойничьих низов, роскошь особняков с фонтанами в саду и пугающая темнота бедных кварталов. Только они все еще напоминали об эпидемии чумы, много лет назад косившей жизни в этом городе. Если верить тому, что написано в исторических хрониках, то это была жестокая жатва, а преступный жнец, смерть, не миновал ни одного дома, и в тот год в городе замечали каких-то призрачных бледных существ и невообразимо прекрасного аристократа с золотистыми кудрями, которого болезнь, как будто обходила стороной. В это было трудно поверить, скорее всего, галлюцинация зараженных, но разве бывают массовые галлюцинации. В свидетельствах многих погибших тогда в Рошене было сказано одно и то же о прекрасном незнакомце, олицетворявшем волшебство и смерть. В это мало верилось, но над историей стоило поразмыслить.

Я снял номер в гостинице с окнами, выходящими на площадь, но не хотел сидеть в одиночестве. Лучше брести по вечерней улице, смотреть на жизнерадостных прохожих, на нарядных дам и их провожатых, на продавщиц цветов, на витрины книжных лавок и чувствовать, что вокруг меня течет жизнь, быть уверенным в том, что, проскальзывая сквозь толпу по улицам Рошена, за мной не следует призрак Даниэллы.

Какая-то птица пролетела так низко над моей головой, что чуть не задела крылом. Неужели лебедь, который плавал в фонтане на площади, а, может, просто ворон. Я оглянулся и вдруг заметил, что сквозь толпу легко и грациозно движется дама, в такой же темной бархатистой накидке, как черное крыло птицы, только что задевшее меня. Да, ее длинные полы разлетаются при ходьбе, как крылья, а из-под них выглядывает собранный бриллиантовыми булавками во множество пышных оборок подол золотого платья. Какое необычное сочетание! Как плавно ступает по мостовой незнакомка, будто не идет, а летит. Стройная фигура скользила вперед так непринужденно и так неуловимо, но сильно отличалась от всех, кто окружал ее. Отличие было едва заметным, но сильно осязаемым, словно передо мной вовсе не человек, а сияющий мифический персонаж.

Бледная светящаяся в полутьме рука откинула капюшон, и я был поражен красотой промелькнувшего в толпе лица. Даже на полотнах величайших живописцев нельзя встретить такой невообразимой красоты, никакой краской нельзя передать на холсте этот мерцающий оттенок кожи и изумрудную зелень глаз. Словно соглашаясь со мной, молодой художник, сидящий за мольбертом недалеко от фонтана, оторвался от работы и задержал на незнакомке восхищенный взгляд. Рука с кистью неподвижно застыла в воздухе, он не мог нанести следующий штрих, он неотрывно следил за подолом золотого платья, пока тот не исчез в густо заполненном прохожими переулке. Меня уже не интересовал живописец, рисующий прямо на площади. Пусть этот мальчишка в берете и поношенном кафтане восхищается ею, сколько хочет, а я решусь на отчаянный шаг, я догоню ее и спрошу ее имя. Пусть это безумие, но, ради одного шанса из ста на успех, все равно стоит рискнуть, и я бы догнал ее, если бы из того же переулочка с клетотом не вынырнула черная птица и ринулась на меня. Я закрыл лицо руками, чтобы защититься, но хищница плавно взвилась ввысь и пролетела над моей головой. Мне хотелось побежать по узкому переулочку, но несравненной незнакомки там уже не было, осталось только вернуться в гостиницу и смотреть из окна за нескончаемым потоком людской толпы на главной площади огромного города.

На постели валялись в беспорядке те вещи, которые я успел распаковать, гадальные карты, которые подарил мне кто-то в университете, и золотые монеты. Надо сложить их в кошель, чтобы не растерять. Я стал искать свой кошелек, но вместо него нашел какой-то другой незнакомый кошель из черного бархата с завязками из пурпурной тесемки и какими-то вышитыми алой нитью странными знаками. Что ж, если ничего другого нет, то придется обойтись этим. Я не задумывался, откуда этот предмет появился в моем багаже, ведь я точно помнил, что не брал его с собой. Я вообще впервые видел нечто подобное, но ведь бархат весит совсем немного, возможно, он затерялся в складках моей одежды, или я сам, не помня себя от горя, захватил его из комнаты Даниэллы. Из кабинета отца я взял только книгу, которую спрятал на самом дне сумки и доставать оттуда совсем не хотел.

На темном небе, расстилавшемся за окном, плясали блики от уличных фонарей. Освещенный фасад дворца на противоположной стороне площади поражал изысканностью архитектуры. Взгляд приковывали к себе не только кованые балконы и лепнина, но и статуи горгулий, ифритов и других мифических созданий. Кому может принадлежать такое необычное и роскошное жилье. Ряд крылатых геральдических скульптур, протянувшийся по периметру крыши, навел на неприятные мысли. Я не мог отделаться от ощущения, что сегодня в толпе попытался преследовать нечеловеческое создание. Что если та девушка была самой Венерой? Что если сейчас с крыши соседнего здания за мной следит подобный ожившей статуе и разгневанный Купидон?

Я пытался заснуть, но не мог. Каждый раз, когда я закрывал глаза, мне вспоминалась крошечная детская фигурка, быстрее молнии пронесшаяся под копытами моего коня. Конь тогда вздыбился, а я был изумлен тем, что какой-то малыш, в алом плащике с капюшоном, смело разгуливает в грозу по чаще леса. Хотелось подвезти его до дома и вернуть родителям, но неуклюжий пухленький карапуз убежал по дорожке так резво, что нагнать его не представлялась возможным. Я окликнул его, и, когда он обернулся, из-под капюшона на меня посмотрело злобное, совсем не детское, с посеревшей землистой кожей лицо, а рот искривился в хищном оскале. Малыш в красном скрылся где-то в чаще, но его страшная гримаса преследовала меня весь путь до Рошена и сейчас не давала уснуть.

Я взбил подушку, перевернулся на другой бок и, очевидно, нечаянно задел стул, на котором лежала еще не распакованная поклажа. Дорожная сумка с грохотом упала на пол. Кто-то тихо и гадко хихикнул в темноте. Я приподнялся на локтях и заметил, что книга в черном переплете лежит на полу, что она раскрылась, и ветер, ворвавшийся в окно, шелестит страницами.

– Нет, не бывает колдовства, – упорно твердил я про себя. – Все это глупости. Почему я должен бояться каких-то книг и темноты?

Однако, четкая страшная картинка, как вспышка молнии то и дело предстала передо мной. Мне казалось, что там, в поместье, обезглавленный труп в алом платье сидит в кресле, безвольные кисти мертвых рук лежат на подлокотниках, а чьи-то лилейные ухоженные пальцы ловко приставляют голову к обрубку шеи. А где-то во мгле копошатся острые золотые когти опасного, нечеловеческого существа. Неужели каждого, у кого родственники погибли насильственной смертью, навязчиво преследуют подобные галлюцинации?

Не вытерпев, я зажег свечу. С недавних пор темнота стала нагонять на меня страх. Нельзя быть таким малодушным, но я ничего не мог с собой поделать. Должно быть, большинство студентов, перезагруженных учебой, становятся такими нервными и пугливыми. Еще не пробила полночь, а я уже с нетерпением ждал наступление утра, прихода света и солнечного тепла, которые прогонят подальше от моей комнаты хоровод пугающих теней.

Ветер все еще перелистывал страницы, а мне казалось, что их листает чья-то невидимая рука. Как я могу внушать себе такие глупости? Ведь я же уверен, что призраков не бывает. Нет, я ни в чем не уверен. Я откинулся на подушки и стал следить за калейдоскопом черно-красных символов, мелькающих перед глазами на неприятно шуршащих страницах. Черный кошелечек

тоже валялся на полу, и все монеты из него высыпались, некоторые даже закатились под кровать и комод. Если бы я верил в волшебство, то, наверное, подумал бы, что кто-то незримый нарочно проказит в моей комнате и разбрасывает мои вещи. Пора кончать с этим наваждением. Я неохотно встал, чтобы положить книгу обратно в сумку, но сначала решил собрать с пола монеты, поднял кошелек и заметил, что его завязки сами собой опять соединились в узелке. Кошель оказался мне слишком тяжелым, словно вовсе не был пустым. Ругаясь, я развязал узелок, потянул за бархат и чуть не ослеп от блеска золотых монет, еще более крупных и новеньких, чем те, что раскатились по полу. Как странно, я чуть было не растерял все свое богатство, оно теперь устилало поблескивающими кружочками пол, а в кошельке золота не убавилось, а, напротив, стало заметно больше. Что за чертовщина? Я хотел спрятать кошелек в ящик комода, мне казалось, что черный бархат неприятно колет и щекочет пальцы, но я почему-то не мог выпустить его из руки. Если бы была жива Даниэлла, она бы мне все объяснила, но она лежала в могиле, а над ней окрашивались в кровавый цвет чайные и белые розы. Почему только тогда, перед своим отъездом, я не захотел выслушать сестру, не попытался поверить ей? Она боялась насмешек и поэтому не стала посвящать меня в страшную тайну нашей семьи. А может, ее пугали не только ожидаемые издевки со стороны слушателя, может, она боялась пуститься в откровения по какой-то другой причине. Кто-то угрожал ей? Но кто? Ее тайный поклонник? Вряд ли какой-то деревенский парень посмел бы отрубить голову аристократке. Допустим, в деревне и был какой-то обезумевший от ревности влюбленный, все равно, рубить головы это метод палача, причем хорошо натренированного, голова была отделена от туловища очень ровно и, явно, с первого удара. Какой-нибудь крестьянин совершил бы убийство охотнее с помощью серпа, кухонного ножа или удавки, а это уже совсем другой случай. Я вспомнил, как аккуратно и таинственно все было проделано в случае с Даниэлкой, под каким углом лежал ее труп, так чтобы лунный свет, льющийся из окна, касался кожи, и подумал, а что если это ритуальное убийство, как те, о которых я читал. Я постарался напрячься и припомнить обо всех тех женщинах, которые много лет назад были убиты в Виньене, в Рошене и во множестве других городов. Кажется, всех их убил один так и не пойманный преступник с обезображенной когтистой рукой. Но ведь он должен был давно уже умереть, и все равно утром я отправлюсь в библиотеку, чтобы поподробнее перечитать ту главу. Завтра, Даниэлла, мысленно пообещал я, завтра я пушусь на поиски того, кто оборвал твою жизнь, и поверь мне я смогу найти и покарать убийцу.

В ответ на мои мысли откуда-то донесся тихий смех или вздох, но на этот раз он исходил не со страниц колдовской книги. Кто-то стремительно пронесся мимо моего окна, какая-то огромная невообразимая птица. Мерные взмахи чьих-то громадных шелестящих крыльев прозвучали мимо гостиницы, мимо крыши роскошного дворца и устремились ввысь к звездному небу? Меня уже не волновало, подсмотрело ли за мной то существо, что пролетело мимо окна. Я заснул, тревожимый одной детской наивной догадкой о том, свидетелем чего я стал миг назад, полета хищника или полета ангела?

Гений и ангел

Легкий переносной мольберт выпал из рук, старые кисти раскатились по полу. Крутые деревянные ступеньки, ведущие на чердак, на этот раз показались Марселю нескончаемыми. А ведь еще вчера он без труда преодолевал путь снизу наверх по несколько раз в день и совсем не чувствовал себя уставшим.

Небольшой чердачное помещение с дощатым полом и низким потолком, гордо именуемое мансардой, давно уже превратилось в мастерскую художника. Картин, бумаги с набросками и эскизами здесь было гораздо больше, чем предметов первой необходимости, больше, чем даже мебели. Точнее, мебели почти не было, кроме низкой кровати, едва возвышавшейся над уровнем пола, табуретки, стула, грубо сколоченного столика с зеркалом и старого шкафа, который оставили здесь за ненадобностью.

Створки одного окошка были распахнуты настежь, и ветерок шелестел бумагами, звездный свет освещал недавно начатые этюды. Нигде звездный свет ни сияет так ярко, как на чердаке. Странно, Марсель не помнил, чтобы перед уходом раскрывал окно. Наоборот, он обычно запирает на щеколду не только дверь, но и задвигал засовы на ставнях, ведь это же чердак, любая птица, свившая гнездо на крыше, может легко залететь сюда и испортить какую-нибудь из картин в отсутствие хозяина. Марсель с усмешкой вспомнил, как однажды летним вечером нашел у себя под подоконником на карнизе гнездышко с голубиными яйцами. Была бы у него кошка, и птицы бы не посмели обнаглеть до такой степени, но пока, что Марсель не мог позволить себе завести кота. Возможно, когда-нибудь потом, когда он вырастет, и его работы начнут оплачивать по достоинству, а не скупать по дешевке, как карикатуры уличного художника.

Марсель поспешил закрыть окно, задержался у столика и невольно ахнул, заглянув в темное зеркало. Ему показалось, что где-то в глубине мглистого дешевого стекла с амальгамой промелькнул ослепительный бесподобный образ, и плавно взмахнули два сверкающих золотых крыла. Какое чудо, подумал он, наверное, это и было озарение, идея для следующей его картины. Да, чтобы создать настоящий шедевр надо сначала стать свидетелем такого прекрасного, фантастического видения. Марсель прикрыл веки, пытаясь навсегда запечатлеть в своей памяти волшебный момент, но, когда снова посмотрел в зеркало, видение бледного овального лица никуда не исчезло. Пара лазурных, сверкающих, как сапфиры, глаз следила за ним из глубины мансарды.

Сердце глухо ухнуло и ушло куда-то в пятки. Сам не свой, взволнованный и похолодевший, Марсель едва нашел в себе силы, чтобы обернуться. Он совсем не был испуган, хотя знал, что подобного вторжения надо было бы испугаться. Сильное острое чувство – изумление, чуть было не ввело его в ступор. Он боялся только одного, что он ошибся, что он обернется и увидит пустое мрачное помещение. Так и есть, перед ним прежняя бедная, скудно обставленная мансарда, никаких сокровищ или расцветающих прямо на полу роз, кругом только грубая мебель, тряпицы, дешевые краски, череда выставленных полукругом картин, все, как раньше, но на этот раз среди убогих серых стен, как ослепительные солнечные лучи сияли волосы таинственного пришельца.

Марсель никогда не ожидал, что увидит в своей камерке такое волшебное, возвышенное создание. Он готов был поклясться, что всего на миг за спиной стройного голубоглазого юноши плавно взмахнули два роскошных крыла и быстро скользнули в тень, чтобы стать невидимыми для глаз художника.

– Вы ангел? – первой мыслью Марселя было, что это восхитительное златокудрое существо с мерцающей кожей ангел, влетевший через распахнутое окно. Он ведь почти увидел на миг в темноте золотистые крылья, взмахнувшие за спиной юноши. Да, конечно, это ангел, иначе, как он мог войти через запертую дверь, на чердаке нет ни запасного хода, ни потайных

лазеек, в отсутствии хозяина единственный путь сюда пролегает через окно, но оно находится слишком высоко над землей, а вскарабкаться вверх по ровной гладкой стенке и водосточной трубе человеку не под силу, для этого нужно обладать крыльями, такими же мощными и красивыми, как у ночного гостя.

– Зовите меня Эдвином! – снисходительно кивнул юноша, крутой золотистый локон упал ему на лоб. Вот, значит, как выглядят ангелы. Тогда нет ничего удивительного в том, что они являются только избранным смертным, а не всем подряд, ведь не найдется такого человека, который смог бы устоять и не влюбиться в эту волшебную внешность, в этот чарующий проникновенный голос.

Кроме первого своего предположения, Марсель не смог бы придумать никакого другого, а юноша не спешил его разубеждать. Он сидел на низкой кровати, небрежно, но грациозно обхватив рукой колени, и вся бедная обстановка мансарды, как будто, была озарена одним его присутствием ярче, чем блеском всех сокровищ мира.

– Я выбрал вас, – сухо и сдержанно проговорил Эдвин, таким же небрежным, но соблазнительным жестом откидывая сверкающую прядь со лба. Его голос звучал слаще волшебной музыки, красивые, выразительные глаза с пристрастием знатока оглядывали ряд картин. И снова Марсель сравнил эти глаза с двумя бесценными сверкающими сапфирами. И не важно было даже то, что в пристальном взгляде промелькнули грусть и сожаление, будто Эдвин, по достоинству оценивший все эти произведения искусства, собирается после выполнения какой-то определенной цели убить творца всех тех картин, которые так понравились ему.

– Великолепно! – после недолгого молчания прошептал Эдвин. – Самые простые вещи: площадь с фонтаном, продавщица фиалок, играющие дети, как только их берется изобразить ваша кисть, выглядят одухотворенными и непередаваемо притягательными. Для того, чтобы создавать такое великолепие из всего самого простого, нужно быть обладателем незаурядного таланта.

– Скорее всего, вы говорите так из вежливости, но вы преувеличиваете, – Марсель вспыхнул от похвалы и попытался возразить. – Мои работы еще никто не оценил, я не признанный мастер, а всего лишь бродячий живописец, к тому же, самоучка. Мне ни за что не сравниться с теми, кто...

– Поверьте, за столетия я успел насмотреться на шедевры самых великих художников, не только людей, но и тех, кто называют себя избранными... – Эдвин грустно что-то прошептал, всего несколько слов на иностранном языке, смысла которых Марсель не понял. – Ни одна из их лучших работ не стоит даже вашего эскиза. В противном случае, я бы не обратился к вам.

– Но я беден, у меня нет ни связей, ни родни, нет, ничего того, что помогает достижению успеха в этом мире.

– У вас есть талант, – возразил Эдвин, и его замечание прозвучало весомо.

– Что значит талант, перед богатством и нужными знакомствами, – Марселю было неприятно об этом говорить, но почему бы не открыть душу перед ангелом. Этот светлый дух, наверняка, знает о том, что работы юного, пусть и талантливого мастера скупаются по дешевке, будь они хоть самыми восхитительными, пока сам творец не стал личностью, на знаменитость или признание рассчитывать нечего.

– Считаешь, что мелкие интрижки и купленная деньгами однодневная слава может соперничать с настоящей даровитостью? – Эдвин усмехнулся, крепче обхватил облитое бархатной материей колено и пренебрежительно глянул на кровать, словно давая понять, что она больше напоминает самодельное восточное ложе, чем обычную, необходимую человеку постель.

– Да, ты, действительно, беден, – согласился он. – А еще ты скромн, думаешь, что если кто-то пару раз чисто из зависти сделал тебе неприятное замечание, то оно обязательно должно быть правдиво. В Виньене те, кто рисуют намного хуже тебя, но обладают влиятельными род-

ственниками, или хотя бы завели нужные связи с дворцовой челядью, давно уже стали знамениты, но с таким методом достижений успеха, боюсь, их слава умрет раньше, чем они.

– Как это все несправедливо, – обида на жизнь проснулась в Марселе с новой силой. – Жизнь несправедлива, – грустно пояснил он, хотя не сомневался, что гость все понимает.

– И только ангелы неподкупны, – в тон ему, но с глубоким скрытым смыслом сказал Эдвин. – Не огорчайся, пусть у бездарностей есть земные покровители, но вас, гениев, защищает наш народ.

– Я не гений, – возразил Марсель, как ему показалось, честно. Да, он работает чуть лучше других, но у него нет шанса стать лучшим.

– Если бы ты им не был, ты бы никогда не увидел меня, – Эдвин чуть изменил позу, и что-то с шуршанием шевельнулось за его спиной. Наверное, он уже давно сидел на кровати, но ветхое сатиновое покрывало ничуть не смялось под ним, неужели при всей своей красоте он еще легок и невесом, как пушинка.

– Все мы непохожи на людей, – словно прочтя его мысли, заметил Эдвин. – Запомни, Марсель, и ангелы, и демоны склонны влюбляться в гениев. Кого ты сейчас видишь перед собой, темного или светлого духа?

– Я вижу ангела, – пролепетал Марсель, и он был уверен в этом.

– Хорошо, – Эдвин коротко усмехнулся. – У тебя есть право на собственное мнение. Один раз я помог девушке, не менее талантливой, чем ты, но она... В общем, не важно, – он пренебрежительно взмахнул изящной, но сильной рукой, словно отгоняя прочь тягостные воспоминания. – Грешники отправляются в ад, праведники, скорее всего, возносятся на небеса, по крайней мере, так учат сейчас паству в приходах Рошена, но для одаренных существует третий путь, и он ведет в ту империю, побывав всего однажды в которой, ты бы уже ни за что не захотел вернуться в этот суетный мир.

Как чарующе ты говоришь, подумал Марсель, но не посмел произнести этого вслух. Теперь он испытывал какой-то благоговейный, всеобъемлющий страх перед полуночным пришельцем и в то же время готов был поклоняться ему.

– Я прослаблю тебя, – наконец пообещал Эдвин. – С твоим мастерством ты заслуживаешь того, чтобы уже в юные годы быть признанным один из величайших живописцев, но услуга за услугу. Сначала ты поможешь мне и напишешь такую картину, перед которой не останется равнодушен никто, а после я сделаю тебя знаменитым... и богатым.

Зачем мне теперь нужно богатство, какое золото может соперничать с блеском этих кудрей, думал Марсель, смотря на чудесного гостя. Разве смогу я думать о том, что мир прекрасен, если в этом мире больше не будет тебя, Эдвин?

– Я никуда не исчезну, – тихо произнес он. – Пока ты жив, я буду с тобой. Зная, как ранимы и восприимчивы подобные тебе к самым мелочным обидам, я уже не смогу оставить тебя без защиты. Другие, такие же, как я, очень часто выбирают себе подопечных, так почему бы точно так же не поступить и мне. Простые люди не могут нас видеть, таков установленный свыше закон, но поклонники прекрасного и истинные деятели искусства очень часто становятся нашими избранниками.

Он ни разу не называл имен этих избранных, в каждом его слове крылась какая-то едва уловимая загадка, какой-то намек. Ангел словно играл с Марселем в какую-то изошренную, жестокую игру. «Догадайся сам», звучало в каждой фразе, но о чем Марселю нужно было догадаться. А что случается обычно с этими избранниками, хотел спросить он, но не решался.

– Для начала я хочу дать тебе заказ, который щедро оплачу, – Эдвин посмотрел на Марселя, и его глаза зажглись каким-то зловещим внутренним огнем. Их взгляд, словно говорил без слов: «Прославься и умри!».

«Стань великим и уходи в неведомый людям мир вслед за мной», тревожно звенело в мозгу Марселя. Он должен был бы испугаться Эдвина, должен был хотя бы насторожиться, но разве можно испытывать что-то кроме любви к такому прекрасному мудрому созданию.

Эдвин легко вскочил на ноги. Движение бесшумное и почти неуловимое для взгляда. Марсель не видел, как юноша двигается к нему через комнату, как обходит стороной расставленные по всюду мольберты и скатанные трубочками стопки холстов, но Эдвин уже стоял перед ним, так быстро, будто ходить по комнате ему было вовсе не надо, будто он мог мгновенно перенестись из одного места в другое по своему желанию.

Что-то круглое, золотистое блеснуло в воздухе. Эдвин протянул Марселю медальон на длинной цепочке, с крышечкой, украшенной изящной гравировкой и мелкими вкраплениями изумрудов.

Марсель не сразу решился прикоснуться к такой дорогой и искусно сделанной вещи. Когда он все-таки взял медальон в руки, ему показалось, что он держит маленький осколок солнца.

– Раскрой! – прозвучал приказ над его ухом.

Крышка открылась мгновенно с тихим щелчком. Крошечный портрет чернокудрой красавицы привел Марселя в восхищении. Вот этого маленького кусочка холста, вставленного в медальон, размером чуть больше грецкого ореха, действительно, коснулась кисть настоящего мастера.

– Это работа подмастерья, – опроверг его догадку Эдвин. – Он потрудился на славу, желая сделать приятный подарок к свадьбе. Хотя здесь и приложен талант, но смею тебя заверить, в жизни эта же самая девушка намного красивее, чем на портрете.

– Она живая? – Марсель с трудом мог поверить в это. Разве столь совершенные черты могут быть чем-то более реальным, чем воплощенная в красках на холсте фантазия живописца. И все-таки, где-то Марсель уже видел нечто подобное. Вечер, огни, площадь и поток прохожих, он сидит на табурете вблизи фонтана, перед ним мольберт, он рисует, и вдруг кисть падает из его руки. Разве не этот самый божественный лик промелькнул тогда в толпе перед изумленным Марселем. Он тогда еще решил, что с ним сыграла злую шутку игра света и тени, или усталость, ведь нельзя же среди самых обычных людей вдруг увидеть ту, которая не похожа ни на кого из них по своей красоте.

– Не думай о ее судьбе, – посоветовал Эдвин. – Думай о своей работе. Я хочу, чтобы, помимо своего таланта, ты применил богатую фантазию. Нарисуй не простой портрет, придумай что-нибудь изысканное и сказочное. Представь себе эту девушку сидящей в лесу на пне, представь ее кидающей венки в реку с моста или отдыхающей в оперной ложе, в беседке роз, в васильковом поле, или, пусть, на картине она танцует на балу с настоящим сказочным эльфом. Я бы мог обратиться к портретисту, если бы хотел обычную заурядную работу, но, как я тебе уже сказал, мне нужно нечто большее.

– Где-то я уже видел ее, – пробормотал Марсель, разглядывая миниатюрное изображение, черные кудри, украшенные бриллиантовой диадемой, плечи в облаке розового муслина, магнолии, приколотые к корсету. Она одета по-другому, но разве не то же самое лицо этим вечером мелькнуло под темным капюшоном в толпе. – Да, я видел именно ее.

– Это невозможно, – с неожиданной строгостью прервал его Эдвин.

– Почему? – удивился Марсель.

– У меня уже не осталось времени, чтобы объяснять, да ты и не поймешь, – ласкающая слух, нежная интонация вдруг стала более суровой. Эдвин замкнулся в себе, было ясно, что больше он не станет пускаться в откровения.

– Нарисуй ее, где угодно, – повторил он. – В опере, на маскараде, в карете, в палатке или в саду. Придумай все сам, я думаю, ты сумеешь все домыслить лучше, чем я. Награда будет щедрой, запомни это.

Эдвин высыпал на стол из кожаного кошелька целый дождь золотых монет. Кошель возник в его руке, как будто из ниоткуда и туда же исчез. На потертой изрезанной столешнице монеты выглядели неестественно, почти сказочно и призрачно сияли. Неужели они не исчезнут с уходом гостя? Такого богатства Марсель никогда не видел. Он не думал, что получит за какую-то из своих работ даже малую часть всего этого, но златокудрый заказчик снисходительно объяснил.

– Пока, это только на холст и краски. Купи для работы все самое лучшее, я вижу, у тебя здесь нет ничего нового, с чем можно было бы смело начать работу.

– Только на кисти и краски? – Марсель не мог поверить себе. – Да, на это золото можно было бы отстроить заново весь квартал. Неразумно оставлять все это здесь.

Эдвин тихо, музыкально засмеялся. Один звук его смеха мог ободрить и вдохновить кого угодно.

– Ты боишься грабителей? – пошутил он. – Интересно, кто посмеет войти в ту дверь, которая защищена волшебством?

Марсель не знал, что ответить. Эдвин безошибочно читал все его мысли, и это изумляло. Хотя чему здесь изумляться? Разве это не свойство всех ангелов, угадывать самые сокровенные мысли и желания человека? Тогда почему же Марселя так настораживает то, что лазурный взгляд проникает ему в самую душу? Трудно находиться в одной комнате с существом, которое видит тебя насквозь.

Живописец не нашел, что сказать и от этого почувствовал себя неуютно. Было заметно, что Эдвину доводилось общаться с самыми мудрыми и смелыми людьми, возможно, с гениями всех времен и народов. Не хотелось выставить себя перед ним простачком, но Марсель просто не находил слов. Не было таких комплиментов или изречений, которые смогли бы сейчас выразить его чувства. Нужно было всего лишь взять кисть, палитру, краски и, не откладывая надолго, пока свежи воспоминания, прямо с натуры написать на холсте портрет ангела. Марсель внимательно посмотрел на Эдвина, чтобы запомнить каждую черту. Сможет ли он изобразить в красках такую совершенную красоту, скопировать таинственную, немного хищную полуулыбку, передать с помощью нескольких мазков лазурью нестерпимо яркое сияние глаз? Хватит ли на это его таланта?

Марсель ощутил спиной сквозняк и плотнее прикрыл ставень.

– Я сделаю все, как вы хотите, – покорно кивнул он.

– Я не давал тебе четких указаний, – Эдвин слегка нахмурился. – Мне не хочется, чтобы ты механически следовал каким-то инструкциям, напрягался и растрачивал силы зря. Не пытайся угодить заказчику. Я предоставляю тебе полную свободу, чтобы ты работал в соответствии с возможностями собственного воображения. Мне интересно узнать, на что ты способен, когда тебя не сковывают условности и страх перед суровой критикой. Желаю удачи, мой друг.

Эдвин посмотрел на далекий звездный свет, и ответные, более яркие, чем звездная пыль искры вспыхнули в его зрачках. Никогда еще небесные светила не мерцали так ярко сквозь мутное, не вымытое стекло окна Марселя. Эдвин улыбнулся на прощание своему подопечному. Что у него за странное выражение глаз доброжелательное и в то же время какое-то хищное, смеющееся, почти торжествующее, одним словом, зловещее? Марсель упорно верил в то, что видит перед собой святого духа, но так усмехаться может только демон, убедивший наконец свою жертву, продать душу и скрепить договор кровавой подписью.

– Вы ведь еще вернетесь? – Марсель готов был вцепиться в рукав Эдвина, ухватиться за его руку, как утопающий хватается за соломинку, лишь бы только не потерять мгновение волшебства.

– Конечно, я вернусь за картиной, когда она будет готова...

– А до этого, чтобы посмотреть за тем, как продвигается работа, – Марсель сам слышал просительные нотки в своем голосе, но ничего не мог с этим поделать. Он боялся остаться один без того волшебного сияния, которое исходило от гостя. Он знал, что его просьбы звучат глупо и испуганно, он цеплялся за Эдвина, как ребенок, которому страшно остаться одному в темноте. – Вы скоро вернетесь?

– Как только смогу, – Эдвин все почувствовал, все понял и не стал ни язвить, ни насмеяться. Его умный лучистый взгляд, как будто давал понять «я знаю, что у тебя на сердце, не переживай, ничего противоестественного в этом нет, так чувствовали себя в моем присутствии многие до тебя».

О таком друге можно только мечтать. Марсель был восхищен и благодарен.

Эдвин обернулся, чтобы взглянуть еще раз на полукруг безупречных картин, на талантливые наброски, на пейзажи, натюрморты и несколько портретов. Было ясно, что он запомнил каждую деталь и весь своеобразный интерьер, как бы неузнаваемо он не изменился потом, останется в памяти гостя навеки... на тысячелетия. Марсель не знал, насколько вечен этот мир и другой, а Эдвин, наверняка, не сказал бы ни о чем таком, чего человеку знать не следует. Стоит теперь сдвинуть хотя бы на миллиметр какой-то из мольбертов, и Эдвин заметит это, но промолчит. Он ведь не человек, у него совсем другое, более острое восприятие, он замечает те мельчайшие детали, которые человеку разглядеть не дано.

– Чем быстрее ты будешь работать, тем быстрее я вернусь к тебе, – улыбнулся Эдвин.

Он стоял здесь, настоящий, живой ангел, а через миг его уже не было. Только ветер свистел за распахнутым окном. Как оно могло снова раскрыться, ведь Марсель сам только что захлопнул ставень. И куда делся Эдвин? Как он так быстро и незаметно выскользнул с чердака. Дверь, запертая на щеколду, никого выпустить не могла. Оставался один путь на волю, через окно, но, чтобы не упасть и не разбиться, прыгнув с такой высоты, нужно иметь крылья. У Эдвина они были, если только сам Эдвин не сон, не иллюзия. Марсель прижал пальцы к вискам, словно желая удержать в голове хоть часть убегающего рассудка. Как все это было похоже на галлюцинацию. Единственным доказательством того, что Эдвин реально существует, были золотые монеты, горсткой поблескивающие на столе. Целое состояние. Марселю не верилось, что все это преподнесено ему. Слишком неестественно сверкало богатство в убогой, примечательной только живописью обстановке. А вдруг, когда он проснется, всего этого здесь уже не будет. Не будет томительного ожидания нового чуда и дивной ауры, оставшейся после ухода Эдвина.

И все-таки ночной визит был реальностью. Стоило только коснуться холодных червонцев, чтобы убедиться в том, что они существуют не только в его воображении. Здравый ум взял свое. Надо убрать монеты, иначе после ухода первого же визитера, они могут исчезнуть и не волшебным методом, а самым что ни на есть обыденным. А еще нужно скорее приниматься за работу. Чем быстрее он напишет портрет обворожительной незнакомки, тем быстрее Эдвин вернется к нему.

Марсель даже не задумывался о том, какая своеобразная почта доложит Эдвину о завершении работы над картиной. Он не сомневался, что Эдвин каким-то непостижимым образом узнает обо всем сам и явится, как раз вовремя, чтобы проследить за тем, как художник кладет последний мазок краски на завершаемую картину.

А ведь он еще не успел сделать ни одного штриха, не успел даже начать набросок. Марсель хотел кинуться на поиски бумаги и карандаша, но тут вспомнил, что Эдвин велел ему купить для работы лучшие материалы.

Сейчас ночью выходить из дома никуда не хотелось. А утром он, наверняка, не сможет рано встать после того, как просидел весь вечер за мольбертом. Стоит попытаться счастья, может, припозднилась какая-нибудь лавка, торгующая масляными красками.

Из окна был виден краешек площади и распахнутые двери какого-то кабака. Марсель прихватил с собой всего несколько монет, но золото было таким чистым, без примесей и явно высшей пробы, так, что сумма, скорее всего, была достаточной для того, чтобы купить целую лавку с принадлежностями для рисования.

Марсель отряхнул невидимые пылинки с кафтана, заправил за уши непокорные пряди каштановых волос, отпер дверь и легко спустился вниз по крутым ступенькам. Его не оставляло странное чувство, что кто-то посторонний, неслышно подкрадываясь к нему теперь руководит всеми его поступками, а сам он двигается и говорит непроизвольно, как сомнамбула. Даже, когда Марсель валился с ног от усталости, он не ощущал ни разу такой подавленности и беспомощности перед какой-то высшей направляющей его силой.

Вот и двери кабака, из которых льется на мостовую теплый оранжевый свет. Марсель знал, что должен зайти туда, но для чего? Он никогда не пил ничего крепкого, слишком ценил точность и аккуратность ручных движений, красоту и безупречность ровно положенных мазков. В приходах Рошена проповедовали, что вино это один из способов потерять свою душу, при этом не скрепляя договор с темной стороной ни кровью, ни обещанием. На счет этого Марсель ничего не знал. Бедность не позволяла ему подпасть под те искушения, которые медленно губили большую часть зажиточных горожан, но сегодня он увидел ангела и потерял не только душу, но и сердце.

Зачем он вошел в распахнутые двери и присел на грубо сколоченный деревянный стул за одним из столиков? Марсель не мог сопротивляться силе, влекущей его вперед. Зачем он здесь? Юноша подпер усталую голову руками и готов был уже проклясть все на свете, как вдруг чья-то изящная светящаяся рука пододвинула к нему бокал. Знакомая рука. На миг Марселя посетила волнующая мысль о том, что к нему вернулся Эдвин и бесшумно сел по другую сторону стола.

– Ты выглядишь удрученным, – мягко и чуть насмешливо произнес кто-то. Голос, определенно, не Эдвина. Марсель спрятал лицо в ладонях.

– Разве? – переспросил он. Он и не заметил, что за столиком уже кто-то сидит, не заметил ни графина с каким-то странным на вид густым, багряным сортом вина и двух бокалов, покрытых причудливой филигранью. Откуда в захудалом, мало посещаемом кабаке могут взяться такие ценные, явно старинные предметы роскоши.

– Час назад я был в Виньене, – как бы между прочим, заметил сосед. – Там один неудавшийся художник вроде тебя топил свое горе в вине.

– Час назад, – как эхо повторил Марсель. – Что же у вас за кони? Самым быстрым ездокам нужно хотя бы дня два, чтобы добраться отсюда до Виньены.

В ответ прозвучал, как музыка, тихий шелестящий смех.

– Есть один способ преодолевать любое расстояние в короткий срок, при этом обходясь без коней и без почтовой кареты, – подразнивающие нотки в незнакомом голосе словно заявляли, хочешь я открою тебе свой опасный секрет, но Марсель не хотел слышать ни про какие изобретения или нововведения, он вообще не хотел общаться с незнакомцами, но кое-что в словах говорившего насторожило его.

– А откуда вы узнали, что я художник?

Минутное молчание, будто собеседник лихорадочно обдумывал ответ, но при этом пытался сохранить внешнее хладнокровие.

– У вас руки живописца, – почти тут же ответил он, и в его интонации нельзя было обличить ни ложь, ни лесть, просто непреложная правда. – Такие тонкие пальцы и развитые мускулы бывают у тех, кто привык творить кистью или резцом, но что такое сила человеческих рук, направленная против существ, которые появились на земле гораздо раньше людей и успели обосноваться здесь, еще до того, как не особо приглянувшаяся им часть мира была поделена на страны и города.

– А что сейчас происходит в Виньене? – Марсель вопросом попытался оборвать поток фраз, смысла которых уловить не мог.

– В Виньене правит бал, – короткий ответ, прозвучал как усмешка.

– А я слышал, там нет никаких беспорядков или недовольства.

– Днем нет, конечно. А вот ночью в особые дни на улицы выходит смерть и начинает творить произвол. Окажись вы там после наступления темноты, в переулках, на центральных проспектах или на площади, и вы уже не доживете до утра, чтобы рассказать своим знакомым о том, кого вы повстречали во мраке.

– А кого я бы встретил? – Марсель отодвинул от себя бокал, густая жидкость показалась ему на вид еще более малоприятной, чем свежeproлитая кровь. А какой тягучей и обжигающей эта гадость должна быть на вкус. Как хорошо, что он ни разу в жизни не приложился к бутылке и не пустил отраву в свои вены, иначе сейчас топил бы свои беды в стакане такой же неприятной на вид гадости.

Марсель впервые бросил взгляд на собеседника и с удивлением заметил, что на том маска. Безупречно скроенный камзол почти целиком прикрывает шею и кисти рук, так, что не видно ни кусочка мерцающей кожи. Темные тона одежды наводят на мысль о каком-то скрытом зле. Так, должно быть, выглядит злой дух.

Марсель невольно подался назад, но собеседник успел тонкими цепкими пальцами обхватить его запястье. Он перегнулся через стол к Марселю и доверительно шепнул:

– Говорят, что старый король усыновил дьявола.

– Что? – Марсель попытался освободить руку, но это было бесполезно. Худой и жилистый на вид чужак на деле оказался невероятно сильным.

Надо успокоиться, не подать виду, что он волнуется, и спросить что-то беспечным тоном, быть может, тогда нападающий ослабит хватку. Мысль о том, что по другую сторону стола от него, возможно, сидит маньяк, напугала Марселя. Вполне вероятно, что в кабаке к нему подсел убийца или сумасшедший, с безумцами нужно вести себя осторожно, не сболтнуть ничего лишнего, чтобы их не разъярить и в то же время не выказать ничем своего страха. Так объясняли Марселю начитанные знакомые из университета, а теперь ему похоже выдался случай проверить приобретенные знания на практике.

– Неужели нынешний правитель так плохо выглядит, что ни с кем другим его сравнить нельзя? – самым что ни на есть спокойным тоном осведомился Марсель.

– О нет, выглядит он восхитительно. У него та редкая привлекательная внешность, которую у поэтов принято называть божественной красотой. Это и настораживает. Будь он невзрачным или уродом, то придворные сочли бы за естественный порядок то, что природа, обделившая его каким-то одним качеством, взамен наделила мудростью. Тогда все были бы довольны, но ум и красота это уже слишком опасное сочетание, чтобы отнестись к нему с равнодушием. Особенно, если над светлой красотой витает мрачная тень. Впервые появившись при дворе, усыновленный наследник ото всех старался прятать взгляд, опускал глаза, отводил их в сторону при разговоре, держался в тени и первым исчезал с шумных приемов.

– А что у него было с глазами? – отчасти Марсель заинтересовался, отчасти был очень рад, что пальцы, сжимавшие его запястье, слегка ослабили хватку.

– Нашлись смельчаки, которым удалось встретиться с ним взглядом. Потом они старались избегать встречи с принцем. Говорили, что сквозь его глаза в этот миг заглядывает демон.

Марсель чуть вздрогнул, даже ощутил какую-то смутную тревогу, будто эти фразы не складывались в рассказ о чем-то далеком почти недостижимом, а были обрывками из предсказания его собственной судьбы. Слово «демон» испугало его, хотя почему он должен бояться какого-то демонического королевского преемника, если его самого поклялся защищать светлый дух.

Марсель поднапрягся, собирая все силы, и быстрым рывком освободил руку. Собеседник был так увлечен своим рассказом, что, кажется, даже не заметил того, что его жертва вырвалась на волю.

– Полагаю, показаний всего нескольких придворных недостаточно, чтобы обвинить юного короля в том, что он знает с нечистью и посещает шабаши, – с неожиданной для самого себя уверенностью заявил Марсель. На самом деле, он прибегнул к бравате лишь для того, чтобы ободрить самого себя, ведь ему еще предстоит возвращение домой по темной ночной улице, а его собеседнику, похоже, все равно ночь сейчас или день, и так его рассказы страшнее любых напастей, поджидающих во тьме.

– Возможно, о нем стали сочинять сплетни лишь потому, что он очень молод, потому, что никому, кроме, естественно, приемного отца не известна его родословная, и, в конце концов из-за того, что на трон всегда готов претендовать любой из стареющих маститых придворных, а тут вдруг монарх приводит с собой юного и красивого чужестранца. Естественно, многие начинают завидовать, а зависть порождает сплетни и интриги...

– Не все так просто, – незнакомец усмехнулся по другую сторону стола. – Если бы вы пожили хоть немного при дворе, то уже не считали бы его беззащитным объектом зависти и нападков со стороны окружающих. Он красив, но холоден и равнодушен ко всем и всему, кроме двоих таинственных спутников, которые, как будто из ниоткуда, то появляются, то исчезают за его спиной по собственному желанию, он умен, он коварен, всякий, кто пытается вырыть ему яму сам же в нее и попадает. Так было с такого самого дня, как он появился при дворе и так будет продолжаться во веки веков, потому что поговаривают, что он бессмертен. Пока он еще не был коронован, кто-то все время наблюдал за ним, какой-то темный покровитель, кто-то молился у его окна, кто-то скрывающий свое лицо под маской следил за каждым его шагом. Разве этого не достаточно, чтобы вы поверили, что здесь имеет место нечто сверхъестественное, недоступное вашему пониманию.

– Откуда вы знаете, что эти сведения достоверны? – насторожился Марсель.

– Я был там, – незнакомец махнул рукой куда-то в сторону севера, будто, точно, как стрелка компаса мог определить, в каком направлении за многими-многими милями пути находится попавшая во власть представителя темных сил столица.

– Мне приходилось наблюдать много странных случаев и даже быть их участником, – добавил он с какой-то странной интонацией. Слишком двусмысленное заявление. Марсель спешил распрощаться, но никак не находил предлога, чтобы улизнуть из-за стола, к тому же, в последние минуты его удерживал в кабаке внезапно проснувшийся живой интерес. Хотя не грех ли интересоваться подобными вещами и слушать явную клевету или пустые сплетни, а может, и вовсе бред безумца. Марсель не был уверен в том, что беседует с уравновешенным не представляющим для окружающих опасности человеком. У нормальных людей не бывает такой цепкой хватки, такой силы, такой фанатичной уверенности в том, что целая огромная область, страна или город могут принадлежать злему духу, который выдает себя за аристократа.

– Мне пора идти, – Марсель, как ошпаренный, вскочил с места и хотел рвануться к двери, но вдруг заметил, что длинные паучьи пальцы вертят в руках какой-то плоский золотистый предмет.

– Кажется, вы что-то забыли, – под маской блеснула всего на миг хитрая лисья улыбка. Марсель не мог припомнить, чтобы брал с собой медальон, но он был здесь, в сильных бледных руках незнакомого, но словоохотливого завсегда пивных заведений.

– Все такая же красивая, – произнес он, разглядывая крошечный портрет так, будто лицо на нем уже было ему знакомо когда-то. – Это ваша возлюбленная?

– Не моя, – ответил Марсель, быстро отбирая медальон, и сам удивился тому с какой горечью прозвучали эти слова.

– Заверните за угол и найдете то, что ищите, – донеслось уже на выходе до слуха Марселя. Он уже переступил порог, заглянул в низком освещенное оконце и, к своему удивлению, не увидел за столиком ни своего странного собеседника, ни графина и бокалов с вином.

Свернуть за угол, может, там поджидает кто-то с ножом. Марсель стоял посреди улицы, вслушиваясь в далекий грохот экипажей и звяканье упряжек, в хриплые говорящие наперебой голоса посетителей пивных и приятный голос, тихо напевающий колыбельную за окном второго этажа. Как странно, теперь он может слышать все звуки, отличать друг от друга каждую нотку в целой какофонии уличного движения, даже трели птиц, свивших гнездо у чьей-то водосточной трубы, кажется, стали ему почти понятны. А капель, как всплеск дождинок, ударяющихся о камни мостовой под водосточным желобом, а треск фитиля догорающей свечи в детской какого-то дома, не только голоса или шумы, а даже едва различимая вибрация паутины на чердаке ближайшего здания, все звуки, которые раньше слились бы для него в один сплошной шелест теперь были ему легко различимы. Неужели он вдруг приобрел какие-то невероятные способности и сможет понимать язык животных, и птиц, а может, причиной всему та дорогая безделушка, которую он сжимал в руке, словно амулет. Марсель поспешно надел цепочку себе на шею и спрятал медальон под кафтаном. Еще не хватало, чтобы какой-то ночной грабитель заметил у него в руках блеск золота и остановил его в темном переулке с ножом к горлу. Как он тогда станет отчитываться перед своим кумиром, ведь медальон принадлежит Эдвину, а не ему. Эта вещица пробудет в его мастерской совсем недолго, только до завершения работы, а потом вернется к своему первоначальному владельцу вместе со всей своей скрытой, необъяснимой силой.

Крошечный портрет красавицы обладал непостижимым магнетизмом. Марселя так и тянуло снова раскрыть крышечку и взглянуть на рисунок. Медальон накалился у него на груди, так, что казалось вот-вот прожжет кожу, а может, это только призрачное ощущение, ведь медальон, нагретый от его кожи, единственная теплая вещица в холоде ноябрьской ночи, вполне естественно то, что сильный контраст создал из тепла иллюзию жгучего пламени. И все-таки Марселя не оставляло чувство, что золото нагрелось само по себе и теперь готово вспыхнуть ярким, ослепительным огнем, готово сжечь его самого.

Сверни за угол, словно повторил в его мозгу чей-то проникновенный и коварный голос, и Марсель свернул, обогнул угол какого-то здания и оказался в мрачном, как будто обособленном от всего города проулке, кончающимся тупиков. Даже в самых бедных угрюмых кварталах не царит такой атмосферы опасности и обреченности, как здесь. Краска на прильнувших друг к другу фасадах не облупилась, все хорошо отремонтировано и подновлено, но кругом стусился мрак. Это место, словно жило само по себе отдельно от всего Рошена, отдельно от всех городов мира, оно, как будто находилось в совсем другом измерении и представлялось живописцу тропой, ведущей в ад.

Нет, больше я не стану прикасаться к медальону, подумал Марсель, хотя ему очень хотелось бы различить все потаенные едва слышимые звуки и голоса в этом месте, хотелось понять тихую беседу подвальных крыс о том, какую опасность скрывают в себе хозяева того заведения, которого щедро дает приют и мышам, и паукам, и тараканам. А может быть, вороны, свившие гнездо на крыше, проболтаются о чем —то, вернее каркнут что-то, а Марсель в их отрывистом насмешливом карканьи сможет определить надежду или предостережение.

Всего одно прикосновение, решил он, погладил пальцами нагретый медальон у себя на груди, ощутил выпуклость мелких драгоценных камней и порезался о крошечную насечку на гравировке. Боль пронзила указательный палец, из тонкого пореза сочилась кровь. Так больно не бывает даже, когда порежешься бумагой. Марсель прижал руку к холодной каменной стене, и на кладке камней остался крошечный красный след. Стоило только выпустить из руки медальон, как в окне нижнего этажа вспыхнул свет. Одна масляная лампа за грязным стеклом в этом похожем на тесную темную клетушку проулке показалась чуть ли не ярчайшим

долгожданным сиянием. Марсель различил в полутьме отвратительную гротесковую статую крылатого демона, склонившуюся над фронтоном здания так, будто готовясь вот-вот ринуться в полет и описать круг над всем городом. Странная же здесь архитектура.

В полумгле Марсель различал только стеклянный абажур лампы, какую-то вывеску над дверью, буквы на которой он как ни напрягался, а прочесть не мог, и двух элегантно одетых во все черное господ, которые вышли, как будто вылетели, не касаясь при этом земли, из всего на миг распахнувшихся дверей.

Один из них, заметив Марселя, чуть наклонил голову, будто приветствовал новичка, только что вступившего в свой круг. У него было довольно приятное лицо, обворожительное, благодаря, какому-то внутреннему неуловимому мерцанию кожи, и внимательные, бездонные глаза. В них затаилась печаль.

Марсель стоял, опешив. Никогда еще незнакомцы на улицах не приветствовали его, не разглядывали с таким вниманием. На миг ему показалось, что этот высокий загадочный человек способен прочесть его мысли, почти с тем же умением, с каким это делал Эдвин.

С пореза на пальце скатилась еще одна капелька крови, и изящные ноздри незнакомца немного расширились, словно ловя какой-то невыразимо – притягательный, влекущий аромат. Его провожатый, не столь воспитанный и аристократичный, чуть согнулся и стал принюхиваться к воздуху, как собака.

Может, он пьян, но ведь секунду назад он не выказывал никаких признаков похмелья, напротив, был сдержан и, вроде бы, вполне здоров. Темные волосы, правда, очень резко контрастировали с белой, как мел кожей. Марсель знал, что подобные припадки иногда встречаются у больных эпилепсией, что это не грозит смертью окружающим припадочного, и, тем не менее, ему стало страшно. Вид скорчившегося бледного существа приводил в ужас. Он кинулся на Марселя, но более спокойный компаньон с неожиданной силой ухватил его за талию.

– Успокойся, Шарло! – приказал он таким тоном, будто уже имел опыт в усмирении сумасшедших.

– Ты мне не указ, – злобно прохрипел Шарло в ответ. Сколько злобы в его голосе. Он же рад был бы разнести весь город по камешку, если б ему предоставили такую возможность. Внутренне Марсель содрогнулся.

– Я тебе не указ, – его компаньон чуть нахмурил брови, но хватки не ослабил. – Полагаю, ты хочешь обсудить этот вопрос на суде, собрав все общество?

Всего одна абсолютно незначительная для постороннего фраза привела Шарло в чувства. Должно быть, слова суд и общество здесь имеют несколько иное значение, чем у прочих людей. Марсель сам удивился, откуда у него такие странные мысли. Незнакомец с внимательными аквамаринными глазами пристально взглянул на Марселя, словно желая произнести всего одно слово «беги!».

Марсель прижался к стене, пропуская мимо себя двух странных господ. Он заметил, что у того, кого зовут Шарло, неестественно, лихорадочно горят глаза на белом, испещренном бесцветными рубцами лице. Темные кудри, спускавшиеся до воротника, и угольно-черные брови придавали его внешности что-то цыганское, но ведь цыгане смуглые, а этот бледен, как лист бумаги.

– Пусти, – Шарло на мгновение вырвался, вцепился острыми длинными ногтями в руку Марселя, как раз в место пореза, но сопровождающему опять удалось удержать своего буйного товарища.

– Идем, идем, – уже не угрожающе, а успокоительно шептал он. – На улицах полно других... ты найдешь кого-нибудь еще, а этот принадлежит не нам, а ему. Ты ведь не хочешь снова встретиться с ним?

Шарло тут же стушевался. Он пробурчал что-то невнятное себе под нос и двинулся туда, где меж расступающимися стенами домов тускло мерцал свет фонарей. Может, Марселю лишь

показалось, что всего на миг Шарло задержался, наклонился к стене и лизнул языком кладку камней именно в том месте, где осталась алая, почти неразличимая в темноте полоска от крови. Как он мог заметить ее, даже сам Марсель, едва смог различить красноватый след после того, как провел окровавленной рукой по стенке, чтобы холод камней успокоил боль. Надо было, как псу, почувствовать запах крови, чтобы найти ее след во мраке.

Что за странные создания? Интерес преодолел страх, и Марсель двинулся вслед за ними. Хотелось бы рассмотреть их мерцающую кожу в свете фонарей. Почти идеальные черты того, кто остался для Марселя безмянным, обладали какой-то странной притягательностью. Печальный пронизательный взгляд, словно предупреждал «берегись таких, как мы» и в то же время вызывал непреодолимый интерес.

Марсель следовал бы за ними до самых дверей их жилья, как шпион или следопыт, но только не ради выгоды, а влекомый какой-то непонятной таинственной силой, но тут на дороге раздалось звяканье упряжки и глухое гроыхание колес. Лошади заржали так, будто под шкуру им вонзили нож. Копыта со страшной силой забили о мостовую, подковы царапали камни. Визгливое испуганное ржание на миг оглушило Марселя, но он догадался, что лошади вздыбились при виде двух людей в черном на дороге. В свете фонаря эти двое показались Марселю не людьми, а призрачными тенями, выступившими откуда-то из иного мира и призванными задержаться в городе среди смертных всего на ночь.

Он не сразу заметил труп на мостовой. Карета кого-то сбила, какую-то девушку, и теперь ее тело лежало на тротуаре безвольно и абсолютно безжизненно, как выброшенная за ненадобностью тряпичная кукла. Марсель знал, что ему никогда не забыть это зрелище, еще более жуткое от того, что убитая была молода и красива, но теперь смерть пронизывала красоту неуловимыми флюидами ужаса, обращая ее в страшную маску. С посиневших губ стекала струйка крови, светлые волосы обрамляли расколотый череп. Лошадь занесла копыто, чтобы раскрыть и овальное белое лицо с остекленевшими глазами, но Шарло быстро выкрикнул какую-то команду на незнакомом странном, кажется, древнем языке, и конь отступил. Подкова стукнулась о дорогу, в нескольких дюймах от гладкого лба, зацепив всего одну прядь светлых волос и вырвав ее.

– Совершенное тело, – тихо промолвил Шарло, будто оправдываясь перед спутником за то, что испугал и заставил пятиться и храпеть коня. – Как раз то, что ей нужно! – еще сильнее понизив голос, сказал он. Марселю показалось, что он хочет поднять и унести труп для какой-то необычной цели, но тут чьи-то худые, но сильные руки обхватили его сзади и поволокли во тьму того же самого проулка, откуда он ушел минуту назад.

– Та, кажется, шел в мою мастерскую, правильно? – прошептал чей-то голос в его ухо, в участливой и в то же время чуть смеющейся интонации было что-то странно-соблазнительное. – У меня есть то, что тебе нужно, приятель, проходи, не бойся, здесь никто не кусается... а вот на ночных улицах Рошена...

В тишине за спиной Марселя раздался короткий смешок.

– Кто знает, что может случиться на улицах ночью с таким одиноким беднягой, как ты?

– Ты знаешь? – Марсель взглянул вверх на фронтон, но никакого демона над ним больше не заметил.

– Я все знаю, но никогда не рассказываю о том, за что придется поплатиться, – обладатель обольстительного голоса тащил Марселя в то же здание, где светилась сквозь деленное на мелкие переплеты окно лампада.

– Прходи быстрее, – дверь, кажется, отворилась сама собой, и ловкие проворные руки мощным толчком перебросили Марселя через порог в небольшое помещение, заваленное изящными резными рамами для картин, овальными, квадратными, прямоугольными, золочеными, свинцовыми и просто деревянными. Каждая деталь, каждый мелкий листочек в оформ-

лении был вырезан с таким искусством, будто резцы не делали раму для портрета, а плели чудесный венок из плодов, листьев и мелких цветков.

– Восхитительно, – Марсель нагнулся, чтобы получше рассмотреть небольшую овальную раму, и по форме и по обилию выточенных на ней ирисов больше напоминающую венок.

– Это не самое лучшее из того, что я могу тебе предложить, – самоуверенно заявил долговязый рыжеволосый паренек, проверявший плотно ли прикрыта дверь. – Рассмотрю все, как следует, а только потом выбирай.

Марсель взглянул на полки, уставленные флаконами с готовыми красками, такого богатого выбора цветов и оттенков он еще не встречал нигде. Какая богатая гамма. Кармин, глазурь и сандал в маленьких склянках блестели насыщенностью оттенка. Кисти в стаканах были всех форм и размеров, самые разные наборы того, что в первую очередь необходимо художнику.

Палитра, холст, покрытая лаком поверхность, словно готовая для картины, Марсель впервые запутался не зная, что ему взять в первую очередь.

И все-таки надо было иметь голову на плечах и не доверять первому встречному.

– Вы имеете право торговать всем этим?

– Это все мое, – ответил рыжий паренек со странной настораживающей ухмылкой. – Вы разве не прочли, что написано на вывеске? Я – Камиль, хозяин этого места.

Он учтиво протянул узкую ладонь, которую Марсель почему-то испугался пожать.

– Вы будете покупать материалы у меня или поищите кого-то другого?

– У вас, конечно, – Марсель обернулся к тем вещам, которые считал превосходными. – Мой заказчик велел найти что-то именно такого качества.

– Приятно, когда твои деньги к тебе же и возвращаются, – тихо, почти не слышно усмехнулся Камиль. Шепот это был или шелест бумаги. Марсель был не уверен, слышал ли он эти слова, или ему только показалось.

– Что? – переспросил он.

– Это я не про вас, – отмахнулся Камиль. – Не обижайтесь, мне всего лишь захотелось подшутить над одним господином, который долгое время спонсировал все мои предприятия.

– Вы рисуете? – догадка пришла внезапно. Камиль был совсем не похож на художника, скорее на зазнавшегося и наглого пажа знатной особы.

– Я писал портреты ...когда-то. Это было так давно, – и такое говорил тот, кому на вид не больше семнадцати. – Теперь я только зарисовываю декорации для одного театра, в успехах которого заинтересован, и делаю к ним эскизы.

Камиль улыбнулся, блеснули два ряда ровных, жемчужно-белых зубов, с сильно заостренными режущими. Рыжая курчавая прядка соскользнула с левого уха, и Марселю показалось, что оно тоже чуть заострено.

– Приходите ко мне каждый раз, когда вам что-нибудь понадобится, – предложил Камиль. – Я никогда не принимаю клиентов, пришедших с улицы без чьей – либо рекомендации, но с вами случай особый, ведь так?

Что он имел в виду? Марсель не мог этого понять. Минут через пятнадцать, когда он выходил из проулка, нагруженный покупками, лукавые с зелеными искорками глаза, как будто провожали его. Он четко, как картинку запомнил помещение, заваленное всевозможными товарами, деревянную лестницу, ведущую куда-то вверх, стол с лампадой и какие-то тени, шепчущиеся за окном, но когда он вышел, то никого возле окна не увидел.

Лучше всего скорее приниматься за работу и никогда больше не шататься глухой ночью по темным углам. Марселю не хотелось оборачиваться еще раз на крышу, чтобы убедиться, есть там уродливая темная статуя или нет. Овал на мостовой, где лежало еще недавно тело девушки, как будто был обведен кровавой кисточкой, по крайней мере, в воображении Марселя. Кажется, даже фонари освещали его ярче, чем другие участки дороги. Так огни рампы

освещают сцену, на которой вот-вот начнется мистерия. Марсель заметил, что несколько булыжников, действительно, стали багряно-бурыми от крови.

Впечатлений от сегодняшней ночи ему хватит на всю жизнь. Марсель так устал, что начать картину сегодня уже не мог. А жаль. Если бы только он мог закончить свой лучший шедевр в один день, то завтра Эдвин бы снова невесть каким образом, по крайней мере, не через дверь проник бы в его каморку, лучезарно улыбнулся и произнес какую-нибудь ободряющую похвалу таким тоном, что любые самые простые слова в его устах показались бы звучными и высокопарными.

Без Эдвина в его мастерской стало слишком уныло и одиноко. Зато у Марселя остался медальон, как памятка об удивительном госте. Медальон, который он не стал снимать перед сном, рука не шевельнулась, чтобы расстегнуть застежку цепочки. Было страшно прикоснуться к шероховатой, покрытой камнями и резьбой золотистой поверхности, и в то же время пальцы сами тянулись к ней. Их подушечки липли к крышке, и всю ночь Марсель слышал разговоры, точнее тайные сговоры тех, кто шепчется внизу в трактире о чужих супругах, о не вполне честных торговых сделках и даже об убийстве. Слова прорывались сквозь дымку сна, Марсель мог бы услышать многое, но не решался пожелать, чтобы звуки всего обширного объятаго ночью Рошена стали слышны ему. Что случилось, если бы он заглянул дальше трактира, на улицы, по которым, возможно, бродят убийцы, на то кладбище, куда Шарло унес сбитый каретой труп и на существо, очень похожее на того свинцового демона, кружащее над крышами спящего города.

Утром он принялся за свое привычное занятие с усердием живописца, решившего в один день сотворить лучший из своих шедевров, но одного дня не хватило. Баночки с красками подходили к концу, падали и закатывались под шкаф кисти, как будто нарочно ломались карандаши. Марселю казалось, что кто-то невидимый нарочно мешая ему работать, комкает бумагу, царапает холст. Он заметил несколько глубоких неровных царапин даже на своей палитре, но шероховатость его не пугала. Пусть, это когти демона, пусть, он трудится с отчаянием человека, заложившего свою душу, зато каждый хорошо положенный мазок приближает его новую встречу с волшебным существом. Марсель охотно сделал то, что ему посоветовал Эдвин, в полной мере воспользовался своим воображением. Прошло тринадцать дней, а может, всего неделя. Марсель потерял счет дням, он никуда не выходил, только пару раз спустился со своего чердака, чтобы купить еды, но на этот раз, как ни странно, он не чувствовал никакой ущербности из-за того, что приходится так себя изнурять. На тринадцатую ночь он заснул с приятным ощущением того, что сотворил чудо, а когда после полуночи разомкнул веки, Эдвин уже стоял в его мастерской.

Это он зажег лампаду и распахнул окно. Скорее всего, его заботами на запачканном красками столе появились бутылка вина и какие-то яства. Марсель не обращал внимания на дразнящий, аппетитный запах еды. В отблесках пляшущего под стеклянным колпаком огонька Эдвин казался ему еще более совершенным, чем в прошлый свой визит. Марсель уже забыл, как чудесно он выглядит. Художнику нужно иметь натуру перед собой, чтобы писать портрет. Что поделаешь, если память человека несовершенна и может выпустить какие-то мельчайшие, но немаловажные детали – крошечные составляющие красоты. Изгиб бровей, загнутые кверху кончики ресниц, уголки губ, на портрете все должно выглядеть точным и безупречным.

Марсель даже не попытался открыть рот, чтобы задать такой банальный вопрос, откуда заказчик мог узнать о том, что работа завершена. Эдвин первым узнавал обо всем, с этим нужно было смириться, как с естественным законом природы.

Материя, накинутая на картину, соскользнула сама собой, и Марсель заволновался. Одобрение или осуждение, для него, как для творца, было волнительным и то, и другое. За какие-то дни он совершил то, на что считал себя неспособным. Его живопись озарила мансарду ярче лампы. Так светились золотые крылья, которые он аккуратно вывел кистью. При-

шло смешать несколько цветов, чтобы добиться такого мерцающего эффекта. Картина была притягательной и таинственной. Он нарисовал безмянную красавицу в облаке пурпурного платья, сидящую на изящном троне из слоновой кости. Ее темные пряди змеились по туго затянутому корсету, зеленые кошачьи глаза казались сонными, но коварными. Она грациозно оперлась рукой на подлокотник. Ее голову украшала корона, а над ее тронем раскрыты и озаряют его золотые драконьи крылья. Марсель не знал, что подвигло его изобразить именно дракона, к тому же, в такой необычной нестандартной форме. На его картине дракон не был ужасным чудовищем, это было возвышенное, загадочное, хоть и внушающее страх существо. Теперь сам создатель ощущал робость и даже некоторый стыд за такое новшество, хоть оно и смотрелось потрясающе.

– Великолепно, – заметил Эдвин таким равнодушным тоном, что Марсель ощутил, как сердце ухнуло куда-то в пятки.

– Тебе не нравится? – он сам не заметил, как перешел на ты.

– Не нравится? – Эдвин удивленно изогнул бровь. – Я же сказал, что она бесподобна.

Вот он уже стоит возле картины, невесть как преодолев расстояние, касается кончиками пальцев нежного овала нарисованного лица.

– Что-то не так, – настаивал Марсель.

– Я давно уже привык не проявлять ничем своих эмоций. Корона и трон, пусть даже только нарисованные, напомнили мне про то, про что мне совсем не хотелось сейчас вспоминать. В остальном, все идеально. Ты сделал еще и наброски?

Набросков было множество. Марсель даже раскрасил самые удачные акварелью. Столько сюжетов, и все одинаково красивы и таинственны. Красавица катается в лодке, а над ней парит золотой змей. Она же прижимается лицом к окну, с другой стороны которого парит тот же крылатый змей. Она с корзинкой собирает ирисы в саду, сидит в оперной ложе, идет по полю, а ее шлейф задевает подсолнухи, стоит на балу в кругу кавалеров. Всюду она, будто художнику позировала одна натурщица, и эта натурщица была самим совершенством.

Еще прежде, чем Марсель успел указать на пачку листов, длинные тонкие пальцы Эдвина уже перебирали рисунки. На каждом из них одно и то же бесконечно дорогое ему лицо.

– Эта девушка... Вы сказали, что я не мог видеть именно ее, потому что она давно умерла? – Марсель решился задать тот вопрос, который мучил его с самого начала.

– Никогда не спрашивай меня о ней, – в голосе Эдвина зазвенела сталь. – Иначе, мы можем стать врагами, а я уже подумывал о том, как подружиться с тобой.

– Правда? – Марсель с трудом мог в это поверить.

– Это не последний мой визит, как ты, наверное, уже догадался. Картина завершена, и она прекрасна. Я бы назвал ее твоим шедевром, но ты ведь можешь успеть написать еще другие. У тебя еще есть время... – Эдвин говорил с такой интонацией будто этого времени остался ограниченный срок, совсем маленький отрезок. Может быть, Марселю всего лишь показалось, что Эдвин заранее знает день и час его смерти и не сделает ничего, чтобы этот час оттянуть. С такой печалью может произносить похвалы лишь тот, кто знает, что смерть уже стоит на пороге и ждет.

– Ты хочешь что-то предложить, какой-то новый сюжет?

– Сюжет ты придумаешь сам, но непременно нарисуешь ее снова, – он кивнул на коронованную красавицу. – Мне кажется, ты знаешь о ней даже больше, чем нужно. Нарисовать корону на ее голове мог бы только ясновидящий. Возможно, таким людям, как ты открыто слишком многое, но они принимают это за свою фантазию. Скажи, тебе нравится эта девушка?

– Я готов умереть за нее, – против желания сорвалось с губ Марселя, а пальцы сами собой потянулись к крышечке медальона, чтобы нежно погладить шероховатую поверхность.

– Так и должно быть, – улыбнулся Эдвин с неожиданной теплотой. – Так было со многими до тебя.

– Что ты имеешь в виду? – Марсель хотел насторожиться, но не мог, все его опасения тонули в бездонной лазурной бездне смотрящих на него глаз. Эти глаза сияли из мглы и казались призрачными лазоревыми огнями на фоне фосфоресцирующего овала лица.

– Я привык говорить загадками, и это смущает тебя? – Эдвин неуловимо и быстро приблизился к Марселю. В его бледных пальцах что-то ослепительно блеснуло. Крупный алый рубин сверкал всеми гранями и был похож на кровавую слезу.

– Возьми, любой ювелир скажет тебе, что он стоит одного или двух поместий с охотничьими угодьями, – Эдвин вложил рубин в руку Марселя.

– Слишком щедрое вознаграждение, – Марсель покачал головой. – Я ведь даже еще не отдал вам медальон.

Он хотел снять цепочку, но Эдвин перехватил и задержал его руку.

– Оставь его себе на то время, пока выполняешь мои заказы. Он еще может пригодиться тебе.

– Да, наверное, – в присутствии Эдвина Марсель почему-то не слышал никаких особенных звуков, даже когда прикасался к медальону. Золото не нагревалось на его груди, словно одно приближение Эдвина могло смягчить и побороть любое колдовство.

– Знаешь, меня притягивает каждая площадь, – Эдвин приблизился к окну. Его взгляд блуждал по редющему потоку прохожих. С высоты чердака и нарядные зажиточные граждане, и лавочники, и бедняки все казались всего-навсего точками, муравьями. Наверное, Эдвин привык видеть людей всего лишь молекулами, движущимися по вселенной, привык смотреть на мир с высоты своего полета. Марселю вдруг стало интересно, а опускался ли Эдвин когда-нибудь на землю, чтобы пройтись по широкому проспекту, чувствуя твердую почву под ногами и затеряться в толпе, среди ничего не подозревающих смертных. Как это было бы увлекательно, чувствовать себя способным взлететь и притворяться, будто ты такой же, как и все окружающие. Сошел ли Эдвин хоть раз со своего пьедестала, пробовал ли он когда-нибудь смешаться с толпой, чтобы потеряться в ней, забыть самого себя, или же звезды вечно и непреодолимо манили его.

Почему ты печален, хотелось спросить Марселю, но он не смел, боялся услышать ответ или навлечь на себя внезапную вспышку гнева.

– Я готов был бы вечно сидеть на крыше какого-то дворца, затерявшись среди статуй, и следить за прохожими с высоты, – признался Эдвин, смотря куда-то в недостижимую даль. – Меня притягивает толпа... с недавних пор. Я ищу кого-то в толпе, вижу множество лиц, знакомых, однообразных пятен и никак не могу найти одного-единственного дорогого мне образа.

Стоя у окна, с отрешенным видом и какой-то тоской во всем облике, Эдвин, как будто, слился с ночью, витавшей над чердаком. Марселю казалось, что вся его фигура состоит из двух цветов: белого и золотого. Весь силуэт призрачно мерцал, выглядел почти прозрачным. Разве ангел не может вечность простоять у окна, незримый для большинства смертных. За окном будут сменяться годы, времена, эпохи, а он не двинется и не вздохнет, ожидая кого-то, кто никогда не явится, и вечность покажется ему часом.

– Она где-то там, в толпе, – прошептал Эдвин. – Иногда я бродил по улице сам, следил за кем-то, похожим на нее, и каждый раз разочаровывался, когда тот, за кем я слежу, оборачивался, и мне предстало незнакомое лицо. Луна отражает свет солнца, но встретиться с ним не может. Возможно, в моих поисках тоже имеет место суровое предначертание. Я готов простить все, той, кого разыскиваю, хотя, она, может быть, уже давно возненавидела меня.

– О чем ты, Эдвин? – Марсель хотел подыскать слова утешения или вызваться помочь, но понял всю глупость и ничтожность таких поползновений, кто он такой, чтобы ободрять такое возвышенное создание. Эдвин не нуждался ни в соболезнованиях, ни в посторонней помощи. Он ни разу не выказывал открыто свою силу, старался быть вежливым и обходительным, но сразу становилась понятно, что за внешним спокойствием и холодной любезностью

скрывается непобедимое, не имеющее себе равных могущество. Дело было даже не в физической силе, хотя с виду тонкие и ухоженные кисти рук легко смогли бы согнуть железные прутья, но самой опасной в Эдвине была колдовская мощь, тихое мистическое мерцание, распространившееся, как нимб над всем его существом.

– Звездный свет будит воспоминания, а они для меня, как соль на рану... Когда-то я был не одинок, – Эдвин отвернулся от окна, не желая больше наблюдать за бесконечной чередой незнакомцев и незнакомок, чужих неуклюжих фигур, меж которых, наверное, уже никогда не промелькнет кто-то, о ком ангел так тоскует.

– Ты и сейчас не одинок, – Марсель хотел ободряюще сжать его руку, но испугался, что малейшее соприкосновение с бледной, мерцающей кожей может обжечь его, как огонь.

– Страх, – Эдвин все понял и тихо вздохнул. – Точно так же сильна бывает брезгливость, которая не дает тебе прикоснуться к чему-то омерзительному, например, к змее. Ты побрезговал бы моим рукопожатием, если б знал, что змеиного во мне куда больше, чем человеческого, – взмахом ладони он предупредил возражения. – Подумай сам, что ты обо мне знаешь. Почти ничего. Я ведь могу оказаться кем-то более холодным и смертоносным, чем ядовитая змея, и более кровожадным, чем стая волков, в поисках поживы рыскающая по зимнему лесу. Если бы я оказался существом, одержимым жаждой мести и крови, ты бы меня возненавидел?

– Не говори так о себе, Эдвин, – Марсель прижал пальцы к вискам, в которых в бешеном ритме стучала кровь. – Ты просто хочешь меня испытать? Испытания покажут, насколько тверда моя вера? Я верю только в тебя. Я верю тебе. Только скажи, кого нужно найти, и, вот увидишь, поиски дадут результат, если мы примемся искать вдвоем.

– Ты уже сделал все, что мог, – Эдвин кивнул в сторону мольберта и великолепной картины. – Твои краски воскресили для меня тот момент, который давно канул в прошлое.

Эдвин запнулся, словно после долгого забвения к нему вернулось чувство реальности, и он понял, что сказал слишком многое, гораздо больше, чем следовало бы знать какому-то художнику.

– Я вернусь к тебе снова, когда будет готово что-то еще, – сухо добавил он. Минутный триумф отчаяния прошел, Эдвин снова стал скрытным и замкнутым.

– Эдвин! – Марсель окликнул его по имени, боясь, что мерцающий гость вот-вот может исчезнуть, раствориться в пустоте, а он так никогда и не сможет после его ухода восстановить в памяти целостный и яркий фрагмент для картины.

– Да? – испытующе поинтересовался Эдвин. – Ты хочешь о чем-то спросить меня.

Уголки его губ чуть изогнулись в улыбке, словно желая сказать «человек, я знаю, насколько ты подвержен страстям». И Марсель растерялся, счел почти грехом просьбу, невольно сорвавшуюся с губ.

– Можно я нарисую тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.